

Татьяна Ткачук

Или,
Моя королева!

Королева

Татьяна Ткачук

Да, моя королева! Книга первая

«Автор»

2023

Ткачук Т.

Да, моя королева! Книга первая / Т. Ткачук — «Автор»,
2023 — (Королева)

Обычная девчонка из маленького провинциального городка, время которой делится между работой и домом, причем первая его доля намного больше. Заядлая любительница дорам, готовая днями напролет наблюдать за хитросплетениями сюжетов, знающая по именам многих актеров, кочующих из сериала в сериал. Жизнь размеренная и до тривиальности пресная. Но однажды она проснулась не в своей постели. Не в своем городе. Не в своей эпохе...

© Ткачук Т., 2023

© Автор, 2023

Татьяна Ткачук

Да, моя королева! Книга первая

Глава 1

Лера очень любила дорамы. Уже несколько лет она была заядлой дорамоманьячкой, как девушка сама себя называла. Случайно наткнулась на один из азиатских сериалов в интернете.

От нечего делать (в тот день выпал один из редких выходных в ее нескончаемой работе) Лера начала смотреть первую серию, причем, даже не в озвучке, а с субтитрами, и неожиданно для себя увлеклась развитием сюжета. С того памятного вечера и началась ее запойная любовь к корейским дорамам.

Китайские и тайские сериалы девушка тоже пробовала смотреть, но это было уже совсем не то. И она вернулась к любимой «корейской» теме. В конечном итоге Лера «поселилась» на очень интересном ресурсе, именуемом «Дорамы.клуб», где можно было найти все, что угодно – начиная от старых фильмов, заканчивая последними новинками текущего года.

Многих актеров она уже знала по именам, которые давно перестали казаться ей необычными и странными, как было поначалу.

Особенно любила она дорамы исторические, рассказывающие о реальных и выдуманных событиях эпохи Чосон. Девушке безумно нравились старинные дворцы и храмы, холмистые пейзажи Кореи, в которых разворачивалось действие так любимых ею сериалов, необычные наряды мужчин и женщин. И сами мужчины и женщины с непривычной для европейца внешностью, но от этого не становившиеся менее привлекательными. Сражения, погони, дворцовые интриги и самое главное – романтические отношения между героями, все это затрагивало самые тонкие струны души Леры, отзываясь на красивые истории.

Наблюдая за актерами, проникаясь до глубины души чувствами и эмоциями персонажей, девушка иной раз, ложась в постель, мечтала о том, что когда-нибудь и она встретит свою любовь – ту самую, настоящую. Пока же никто из «прекрасных принцев» не спешил предлагать ей свою руку и сердце. Но, может быть, в их заштатном городишке прекрасные принцы попросту не водились?.. А ведь ей уже стукнуло двадцать пять, и мама – учительница русского языка и литературы в городской школе, не раз намекала дочери, что пора бы уже отвлечься от виртуального мира грез и оглядеться вокруг себя. Наверняка где-то ходит парень ее мечты.

Лера в таких случаях хихикала и, обнимая мать, говорила:

– Мам, ну о чем ты?! Какой «парень мечты»? Да и когда мне его заводить? Я замужем за своей работой!

А работа, и впрямь, отнимала львиную долю ее времени!

В школе Лера училась хорошо, педагоги ее хвалили. Она даже стихи писала. И рисовала очень прилично, и это при том, что никогда не ходила в художественную школу. Да и голос у нее был, как у соловушки. Пока училась, принимала неизменное участие во всех школьных концертах и смотрах художественной самодеятельности. И на городских праздниках тоже выступала. Поэтому, когда закончила школу, вроде и выбора особого не стояло. Мать посоветовала идти в местный университет на филологический факультет – по ее стопам. Ну, Лера и пошла.

Правда, очень быстро поняла, что вот это вот всё – не её! Но так как маму огорчать не хотелось – ее и без того огорчали многочисленные ученики! – девушка никому ничего не говорила. Продолжала рано утром уходить из дома, якобы на лекции в университет, а когда мать уезжала в школу, потихоньку возвращалась и снова ложилась в постель – досыпать. Мать узнала о том, что ее «студентка» давно уже не учится, только в ноябре. И то лишь потому, что ей позвонила декан факультета – женщина приятная и интеллигентная. Они были знакомы давно – дочери вместе ходили еще в детский сад.

И для матери стало настоящим шоком, когда декан позвонила ей и начала сокрушаться: мол, что-то надо делать! Мы же так упустим Лерочку, а она у вас девочка талантливая.

Вечером мама устроила дочери «разбор полетов» со слезами и взаимными упреками. Это был тот редкий случай, когда они очень серьезно поссорились – обычно в маленькой семье были лад и понимание.

Несколько дней дома царил тягостное молчание, а потом все же состоялся серьезный разговор, в ходе которого обе пришли к пониманию, что насильно учиться девушка не будет. И мать заявила, что пусть тогда дочь идет работать, если не хочет учиться.

– Ищи работу! – категорически было предложено несостоявшейся студентке.

Лера нашла, хоть и не очень быстро. В маленьком провинциальном городке, где они жили, было не так уж много возможностей для молодой девчонки безо всякого образования и практического опыта.

Лере еще повезло – она смогла через каких-то знакомых устроиться продавцом в крошечный киоск на окраине города, в котором продавали разнообразную канцелярию, газеты и журналы.

Правда, сидела она там безвылазно по 10-12 часов, а получала за это жалкие копейки. И если бы не жила вместе с мамой – туго бы ей пришлось.

Конечно, у нее было полно времени, чтобы смотреть между продажами канцелярии школьникам и периодической печати пенсионерам свои любимые дорамы на ноутбуке, подаренном мамой еще в выпускном классе школы. Но мизерной зарплаты катастрофически не хватало даже «на булавки», как выражалась воспитанная на классической литературе девятнадцатого века мать-учительница.

И, в конце концов, совестливая девушка, которая прекрасно понимала, что, по сути, она сидит на шее у матери, уволилась, с боем выбив полагающиеся ей расчетные деньги, и ушла, напоследок хлопнув дверью конторы, располагавшейся в одном из ставших тогда популярными в их городе бизнес-центров.

И практически сразу устроилась продавцом в маленькую пивнушку с говорящим названием «Омуль», громко именуемую «магазином разливных напитков». Зарплата там была не в пример выше, однако приходилось работать допоздна и терпеть не всегда приятных клиентов. Да и так свободно смотреть дорамы, как это было на прежнем месте, ей уже не удавалось.

Теперь девушка могла урывать время для новых сериалов только перед сном, и то недолго, потому что в их маленькой квартирке, состоявшей из кухни и одной комнаты, особо и уединиться-то, чтобы спокойно смотреть фильм на ноутбуке, было негде. Мать, устававшая после работы в школе и проверки кучи тетрадей, засыпала, едва донеся голову до подушки. И Лера была бы последней эгоисткой, если бы задержалась чуть дольше, хотя и смотрела дорамы, подключая к ноуту наушники.

Но ее и саму наутро ждал долгий рабочий день на ногах, которые к вечеру уставали и начинали безбожно гудеть.

Так прошло полгода, и давняя знакомая позвала Леру работать в книжный магазин. И вот тут-то девушка задержалась надолго. Ей нравилась эта работа. Нравилось продавать людям новенькие, пахнущие типографской краской книги. Правда, возвращаться приходилось тоже поздно, а зимой – так и вообще в темноте. Магазин работал до девяти вечера, и частенько последние покупатели прибегали за десять-пятнадцать минут до закрытия, словно им смазали скипидаром пятую точку. И ведь не выгонишь их! Так что девушке приходилось терпеливо ждать, когда покупатели определятся с выбором и уйдут, наконец, из магазина, дав Лере шанс на спокойное возвращение домой.

Однажды глубокой осенью – шел уже конец октября – она возвращалась с работы. Выйдя из полупустого в этот час автобуса на своей остановке, Лера поспешно раскрыла над головой зонтик, защищаясь от частого холодного дождя, лившего с темного неба. Сильный порывистый

ветер тут же попытался вырвать зонтик из ее руки, а когда ему это не удалось, он попросту вывернул зонт куполом наизнанку. Девушка ругнулась на погоду, опасаясь, что зонтик придет в негодность, и ей придется покупать новый – а это опять непредвиденные расходы. С трудом, но все же ей удалось выправить купол зонта. Правда, она к тому моменту успела уже изрядно промокнуть под хлесткими ледяными струями.

Дом их находился в коротком переулке в пяти минутах ходьбы от центральной улицы. Он был скупо освещен, и девушка обычно ходила, включая небольшой фонарик. Но сегодня она, как назло, оставила его дома. Вчера меняла в фонарике батарейки и положила его на полку, собираясь потом отправить в свою сумочку. Да, поторопившись утром на работу, совершенно не вспомнила о так необходимом ей сейчас источнике света.

Но делать было нечего, и, поплотнее запахнув ворот тонкого демисезонного пальтишка, девушка направилась в сторону дома.

Улица была пустынна. В такую погоду хозяин и собаку за порог не выгонит. Девушка шла в одиночестве, громко стуча невысокими каблуками сапожек по асфальту. Дом уже показался в конце переулка – старый, еще советских времен, двухэтажный, с облупившимся фасадом и ярко освещенными окнами квартир.

Лера с удовлетворением подумала о том, что вот сейчас она придет домой, в уютное тепло их маленькой квартиры, первым делом примет горячий душ, а потом сядет ужинать. Желудок громко забурчал, намекая хозяйке, что неплохо было бы чем-нибудь подкрепиться.

Мама наверняка приготовила уже что-нибудь вкусенькое. Но сейчас Лера съела бы все, что угодно, проголодавшись на работе. И она только прибавила шаг, предвкушая горячую вкусную пищу.

До дома оставалась, наверное, сотня метров, когда из ближайшего поворота на соседнюю улицу вылетела на полной скорости, сверкая фарами, какая-то машина.

Девушка не успела ничего предпринять и только почувствовала сильный удар и последовавшую за этим резкую боль во всем теле. Ее подбросило в воздух и отшвырнуло на несколько метров в сторону. Старенький зонтик отлетел куда-то в темноту, а машина, не снижая скорости, умчалась дальше по дороге, направляясь к центральной улице.

Тело Леры шлепнулось в лужу, взметнув целый фонтан брызг из грязной воды. Девушка только успела подумать, что нужно встать и идти домой. Лежать на холодной мокрой земле под дождем, в конце октября – не самая удачная идея. А потом сознание плавно скользнуло в темноту...

Глава 2

Лера

Она очнулась от боли, пронизавшей всю правую сторону тела, которое еще и затекло от неудобного положения. А потом услышала мужские голоса. Разговаривали двое, причем говорили на повышенных тонах. Первый ругался на второго, и слова его показались Лере странными и нелогичными.

– Ты сдурел, Хван Бо! Зачем надо было стрелять?! Это всего лишь девчонка! Где твое милосердие?!

«В кого-то стреляли?..» – как-то отстраненно подумала Лера, больше занятая своими ощущениями – боль просто разрывала ее, но почему-то была сосредоточена в одной – правой! – стороне. Чуть ниже плеча она была особенно невыносимой, становясь ближе к боку противно-ноющей.

Неизвестный мужчина, судя по интонации, с которой произносил слова, был зол, но голос у него был весьма приятный – даже находясь в плачевном состоянии, Лера могла определить это.

Между тем второй, обладатель грубого хриплого голоса, отвечал непримиримо:

– Ну, и что, что девчонка?! Она – дочь проклятых богачей, от которых мы столько терпели! Такая, как вот эта, приказала забить палками до смерти мою сестру только за то, что какая-то завистливая служанка обвинила Да Ин в воровстве, хотя серьги у своей госпожи сама же и украла, а потом подбросила моей бедной сестре, боясь наказания. Так что не говори мне о милосердии, Юн Хо! – послышался звук, словно кто-то смачно плюнул.

– Без имен! – властно оборвал его первый голос.

«О чем это они? – вяло подумала Лера, не в силах поднять свинцово-тяжелые веки. – Я дома? А эти голоса... Мама что – смотрит дораму?!»

Вокруг невнятно раздавались какие-то незнакомые девушке звуки, шум, воспринимаемый сейчас абстрактным фоном.

Вот послышались еще голоса, причем, исключительно мужские. «Точно, дорама идет...»

Топот множества ног – глухой, как будто люди шли по утоптанной земле. Какое-то фыркание, костяной цокот – лошадей, что ли, показывают? Лера была городской жительницей до мозга костей, но пересмотрела такое множество исторических дорам, что могла четко себе представить именно эту картинку – оседланные длинногривые скакуны, несущие куда-то своих седоков.

Боль снова пронзила ее правое плечо, и девушка невольно застонала. И тут же то, на чем она лежала, покачнулось, а потом раздался шуршащий звук и по глазам ударил яркий свет, даже сквозь сомкнутые веки ослепляя ее.

А затем нос ее уловил незнакомый запах – но не противный, не отталкивающий, а наоборот, довольно приятный. Немного горьковатый, терпкий запах разгоряченного тела, словно обладатель его только что занимался активными физическими упражнениями.

И уже знакомый мужской голос негромко произнес сквозь зубы: «Вот ч-чёрт!»

Она, наконец, с усилием приподняла ресницы и смутно увидела совсем близко темный силуэт, загородивший почти полностью светлый прямоугольник проема – не то окно, не то дверь. Мужчина был настолько широкоплечим, что занял все свободное пространство, и в странной коробке, в которой находилась девушка, стало совсем тесно.

Лицо человека почти полностью закрывала какая-то черная тряпка, пряча и волосы, оставляя на виду лишь густые брови и темные, казавшиеся в полумраке коробки черными раскосые глаза. «Азиат?...» – мысли все так же лениво ворочались в голове Леры, не желая собираться в кучку. Она вдруг испугалась и от страха широко распахнула глаза. Взгляды их встретились, и мужчина снова вполголоса чертыхнулся и отпрянул назад, словно не ожидал, что она увидит его. И оставляя ее в одиночестве в полумраке странной тесной коробки, боковая стенка которой, заменявшая, видимо, дверцу, от его резкого движения упала сверху, с шумом хлопнув по проему. Движение это болезненно отдалось в мозгу девушки.

А затем раздался его голос:

– Забирайте тут всё, а я попробую доставить девчонку к обители, там монахи позаботятся о ней!

– Ты серьезно, брат? – раздался новый, незнакомый голос. – Хочешь подвергнуть свою жизнь опасности ради какой-то девчонки?!

– Ее жизнь не менее важна, чем твоя или моя. Она не виновата, что родилась с серебряной ложкой во рту. И ты знаешь мое отношение к бессмысленным убийствам! Я не воюю с женщинами и детьми!

– М-да, – преувеличенно громко вздохнул тот, с грубым голосом. – Ты у нас добренький, брат!

– Это не так! И ты это тоже знаешь, – нарочито спокойным тоном ответил первый.

– Смотри, Юн Хо, чтобы потом тебе не пришлось пожалеть об этом решении, – не унился грубиян.

– Это моя забота, Хван Бо! Не твоя! – упрямо ответил странный защитник неизвестной девчонки.

– Так и повезешь со стрелой в плече? – буркнул его собеседник.

– Предлагаешь вытащить, чтобы девчонка истекла кровью?! – в голосе мужчины прозвучала насмешка. – Тогда ей точно конец! Нет уж, повезу так!..

Что ответил хриплоголосый, она не расслышала.

Лера пошевелилась, и сильная боль опять дала о себе знать, так что она едва слышно вскрикнула, а потом, скосив глаза на источник боли, замерла – прямо из ее тела торчала тонкая палочка с черным оперением на конце.

«Стрела?! Что?! Меня ранили СТРЕЛОЙ?! Это ОБО МНЕ они говорили?! Да что происходит?! Где я?! И где машина, что сбила меня?! Mamочka!!! Забери меня домой!!!»

Паника начала черной маслянистой сажой заливать ее мозг, и девушка пискнула, не осознавая, что этот звук может выдать ее. Между тем боковая стенка снова поднялась, и в промежутке возник знакомый широкоплечий силуэт, казавшийся черным от света, падавшего из-за его спины, да и вся одежда на нем, как теперь разглядела Лера, была черной, как самая темная безлунная ночь.

Ее испуганные, распахнувшиеся на пол-лица зеленые глаза встретились с его, черными, и девушка затаила дыхание, не зная, что ее ждет в этот самый миг.

А незнакомец, не мигая, несколько долгих мгновений вглядывался в ее лицо, словно не мог понять чего-то важного, а потом сморкнул, мотнул головой, замотанной куском черной ткани, и выдохнул с каким-то облегчением, пробормотав себе под нос: «Показалось!..»

И шепнул едва слышно:

– Не бойся! Я помогу! Просто закрой глаза и притворись, что без сознания...

А потом он неожиданно бережно подsunул ладони под ее спину и колени и, прижав к себе, стараясь при этом не задевать стрелу, попятился назад, вынося Леру. Но и этого короткого движения ей хватило, чтобы сознание покинуло ее – даже притворяться не пришлось!

Глава 3

Лера

В следующий раз девушка пришла в себя и почувствовала, что лежит на какой-то твердой и в то же время ворсистой поверхности. Лера осторожно открыла глаза и первое время недоумевала, разглядывая странный потолок над головой, с деревянными балками-перекрытиями. Где подобный потолок мог находиться – ума не приложить.

Поэтому девушка порывисто вздохнула и прислушалась к своему организму. Правое плечо еще болело, но боль эта стала приглушенной, ноющей, но не резкой, как было в прошлый раз. Да и никаких посторонних предметов в теле больше не торчало. А это могло означать только одно – черноглазый незнакомец с закрытым лицом сдержал свое обещание помочь ей и привез куда-то, где Лере оказали помощь. Вот только куда?.. Что это было за место и где оно находилось?

И куда она попала, что все происходящее до ужаса напоминало ей сюжет одной из тех драм, которые так любила смотреть девушка?..

Вопросы все множились, разрастаясь, как снежная лавина на склоне горы, а ответов на них у девушки просто не было.

Она осторожно попыталась пошевелить пальцами рук и ног и с радостью заметила, что собственные конечности подчиняются ей. А значит, все это не так уж плохо. Теперь бы еще выяснить, что с ней произошло после того, как машина сбила ее. А что это событие имело место быть – Лера помнила отчетливо. Как понимала и то, что неизвестный водитель бросил ее там умирать – в темноте и под холодным октябрьским дождем.

«Вот же скотина, – мысль эта промелькнула в мозгу, но как-то лениво, отстраненно, словно речь шла не о ее жизни, а о каком-то совершенно незначительном происшествии. – И что теперь?»

Она умерла и попала в рай? Но разве в раю бывает боль?.. А если это не рай, то где девушка находится?

А, может быть, она впала в кому, и ее подсознание услужливо подсовывает Лере картины, так милые ее сердцу – картины из любимых исторических дорам?..

А что? Девушка читала где-то, что такое происходит с людьми, переживающими это пограничное состояние между жизнью и смертью. Но что сейчас с ней происходит ровно то же самое – мозг отказывался верить. Лера завозилась, почувствовав, что под спиной что-то мешает, и, подсунув руку, ухватила это нечто и вытащила наружу... толстую черную косу! Что?! Лера поднесла ее ближе к лицу, не веря своим глазам! Но нет! Зрение не подвело ее – толстая, длинная коса цвета воронова крыла никуда не делась. Но позвольте! Это... не её!

Девушка вскрикнула и в панике отбросила косу в сторону, точно та была ядовитой змеей!

Собственные волосы ее от рождения были темно-рыжими, и хотя и спускались ниже лопаток, но ни в какое сравнение вот... с этим вот не шли! Невнятные сомнения зародились в ее мозгу.

Тогда Лера подняла руки и стала разглядывать их, поворачивая то вверх, то вниз ладонями. А куда подевался ее новенький маникюр, сделанный ровно три дня назад у постоянного мастера в салоне?! То, что она увидела сейчас, определенно не могло быть Её руками – тонкие смуглые пальчики с короткими, аккуратно подстриженными овальными ноготками, похоже, никогда в жизни не знавшими никакого лака вообще...

Что происходит?!

Она судорожно обхватила лицо руками, пытаясь наощупь определить, как она выглядит, но это ничего не дало.

«Зеркало! Мне нужно зеркало! – возопила она мысленно. – Со мной что-то не так! Что-то случилось! И тот странный человек... Боже, боже, боже! Что со мной?! Мама! Я хочу домой!!»

Лера попыталась было приподняться, но тут же со стоном рухнула обратно на свое непонятное ложе: правый бок снова пронзила резкая боль. Девушка сжалась, стараясь не шевелиться, ожидая, когда боль утихнет. Всё происходящее настолько выбило ее из колеи, что стало вдруг так жаль себя, и Лера принялась тихо всхлипывать, не сдерживая покотившихся по щекам слез.

Так она лежала и томилась неизвестностью, пока усталость не накрыла ее своим бархатным плащом, и Лера забылась глубоким сном.

Очередное пробуждение принесло ей осознание того, что в маленьком полутемном помещении она по-прежнему одна, и все так же накрыта до самой шеи тонким мягким не то одеялом, не то пледом. Наверное, спала она довольно долго, потому что мочевой пузырь уже не то что намекал, а прямо-таки вопил о том, что пора вставать и идти отправлять насущные физиологические потребности организма.

Лера хотела приподняться, но оказалась настолько слаба, что даже оторвать голову от странного цилиндрического валика не смогла. Тогда она хрипловатым голосом позвала:

– Есть тут кто-нибудь? Помогите...

Девушке показалось, что она прокричала эти слова, на деле же лишь едва слышный шепот сорвался с ее пересохших, потрескавшихся губ.

И, тем не менее, ее услышали. Потому что откуда-то послышались медленные шаркающие шаги, и в помещении показался невысокий сухощавый человек в сером одеянии до самого пола – халат – не халат, подпоясанный куском веревки. Человек был стар, об этом говорило и испещренное глубокими морщинами темное лицо, и длинная, но редкая белоснежная борода,

спускавшаяся почти до пояса. Голый, чисто выбритый череп старика смотрелся странно, но, видимо, так было положено.

Все так же шаркая ногами, он подошел к лежанке Леры, располагавшейся прямо на полу, и остановился рядом, нависая над девушкой. Увидев, что она уже не спит, спросил глуховатым, звучащим чуть надтреснуто голосом:

– Молодая госпожа? Как вы себя чувствуете?..

– Где я? – прохрипела она и, прокашлявшись, дабы прочистить горло, произнесла уже чистым голосом, показавшимся ей, однако, каким-то чужим, совсем не ее. – Как я здесь оказалась?..

– Вас нашли молодые послушники у ворот монастыря, когда пошли добывать целебные корни. Они услышали звон привратного колокола и поспешили к выходу. Вы лежали на траве прямо у стены, и в правом плече у вас торчала стрела. Послушники вовремя обнаружили вас, потому что, промедли они еще немного – вы истекли бы кровью...

– Но где я? – перебила девушка.

– Вы в монастыре Ёнмунса...

– Ёнмун... что? – растерянно повторила она, и старик терпеливо принялся объяснять.

– Ёнмунса – так он называется. Вы ведь направлялись из Ёнджу?

– А? – она так и осталась с приоткрытым ртом, хлопая глазами.

– Вы что-нибудь помните, юная госпожа? – с кряхтением усаживаясь прямо на пол подле ее постели и весьма ловко складывая ноги калачиком по-турецки, спросил старец. Он протянул руку к стоящему на низеньком круглом столике сосуду, наполнил коричневатой жидкостью из него небольшую глиняную чашку и подал девушке. – Вот, выпейте!

– Что это? – с опаской спросила она.

– Всего лишь укрепляющий отвар целебных трав. Он вернет вам силы! – и он качнул чашкой в сторону девушки.

Лера приподнялась на локте левой руки, а потом опасливо села, прислушиваясь к своим ощущениям. Но туго перевязанное каким-то полотном плечо не отозвалось болью, и она села уже уверенно, протягивая здоровую руку к плошке с напитком. Медленно выпила терпкую жидкость с приятным привкусом трав и вернула старику бокал, одновременно спросив:

– Давно я здесь?

– Да уж третий день пошел, – все так же негромко и спокойно ответил старик. – Все это время вы были без сознания, юная госпожа.

Лера помолчала и решилась, наконец, задать самый важный вопрос:

– А где у вас можно...

И замялась, не зная, как озвучить свои потребности.

Но старик был невозмутим:

– Справить нужду? Я провожу вас, юная госпожа! – и стал подниматься на ноги.

Лера рванула было за ним, но тут обнаружила, что ее привычная одежда куда-то исчезла, а туловище прикрывает странное одеяние серого цвета, чем-то напоминавшее то, в котором был старик.

Девушка ойкнула и поспешила прикрыть грудь и плечи покрывалом.

– А где... моя одежда?

Старец в сером не то халате, не то балахоне понимающе улыбнулся самыми уголками бледных, истонченных возрастом губ:

– Ваш ханбок был слишком испорчен кровью из раны, госпожа...

«Ханбок?! Значит, все-таки – дорама?! – пораженно подумала Лера. – Тогда почему я понимаю все, что говорит старик?! Я же не знаю корейского...»

Но, видя, что старик терпеливо ждет ее, вслух ничего не произнесла, а лишь поднялась на ноги и осторожно пошла за своим провожатым. Они прошли по узкому коридору, стены кото-

рого состояли из каких-то тонких планок, оклеенных, по ощущениям, бумагой, и вышли во внутренний двор с утоптанной до каменной твердости красноватой землей. Там старик сунул ноги в странные башмаки – как будто плетеные не то из лозы, не то из какого-то похожего материала, с кряхтением взял такие же, стоящие у стены под навесом, подал Лере. Девушка послушно обулась, и они пошли дальше, обогнув несколько типично азиатских зданий под черепичными крышами с приподнятыми вверх углами, а затем старик привел девушку в какой-то закуток, отгороженный от остальной территории монастыря.

Махнув морщинистой рукой в широком рукаве в сторону «удобств», человек снова улыбнулся ей и сказал негромко:

– Туда, молодая госпожа...

Сконфузившись, Лера направилась к уборной, сгорая от смущения. Но делать было нечего – мочевого пузыря и так норовил лопнуть в любой момент, приведя свою хозяйку к еще большему позору.

На удивление, в небольшом узком помещении, в котором она едва поместилась, было чисто и сухо. И – никакого неприятного запаха. Узкими тонкими ладонями Лера придержала полы «халата» и быстро освободилась от лишнего. Когда, поправив одежду, она выбралась наружу, старик все так же стоял в нескольких метрах от нее и, кажется, за все это время даже не пошевелился.

Едва Лера приблизилась к нему, монах сказал:

– Теперь нужно покормить вас. Конечно, у нас пища простая, не такая, к которой вы привыкли...

– Вы думаете, я привыкла к чему-то особенному? – не удержалась девушка от вопроса.

– Конечно, юная госпожа. Вы ведь из знатной семьи?

– Я?.. Я не помню... – замялась она, не зная, что ответить на его вопрос.

– Странно. Удара по голове у вас точно не было, – задумчиво произнес старик и, покачив бритой головой, пошел в обратном направлении.

Лера поспешила за ним. На этот раз им встречались монахи – мужчины разного возраста, но все чем-то неуловимо похожие на ее провожатого: и даже не одеждой и не прической, а каким-то особенным выражением просветленности на лицах. Они бросали короткие взгляды в сторону Леры, но тут же шли дальше по своим делам.

А она была слишком ошеломлена всем, что увидела и услышала, чтобы обращать на это внимание. Девушке требовалось время, чтобы осознать, что же все-таки с ней произошло, и где она очутилась.

Простая, но сытная пища, которую ей подал в глубокой глиняной миске молодой монах с одухотворенным лицом – какая-то каша – оказалась довольно съедобной. Но девушка, последний раз евшая еще в своем городе на работе – тогда она купила для перекуса привычную шаурму, продававшуюся в маленьком киоске неподалеку от торгового центра, в котором располагался их книжный магазин, – проглотила все в один присест и, только услышав, как деревянная ложка скоблит по дну миски, виновато взглянула на старого монаха:

– Простите...

– Кушайте, кушайте, дитя! – и подставил ей маленькую пиалу с какими-то квашеными листьями. – Возьмите еще кимчи!

«О! И тут кимчи!» – обрадованно подумала Лера. Это блюдо корейской кухни было хорошо знакомо ей все из тех же дорам. Правда, наяву девушка ни разу не пробовала сей изыск. Да и где его можно было раздобыть в провинциальном российском городишке?..

А старик уже, как по волшебству, ставил перед ней еще одну миску с крупяной кашей, и девушка, вначале с опаской попробовав кимчи, вскоре уплетала его за обе щеки, несмотря на то, что блюдо оказалось весьма острым на вкус.

Глава 4

Лера

Терпеливо выждав, когда она насытится, старец в сером «халате» повел ее вновь по двору, и девушка, наконец, насмелилась спросить:

– Скажите... У вас есть где-нибудь зеркало?

Старик взглянул на нее коротко и покачал бритой головой:

– Нет, госпожа! В обители нет зеркал! Они слишком дороги, да и ни к чему монахам зеркала...

– Я... Мне нужно обязательно... обязательно взглянуть на себя, – запинаясь, произнесла девушка.

– Я понимаю Вас, молодая госпожа! Юные девушки придают очень много значения своей внешности. Но уверяю вас – вы прекрасны!

– Но мне... надо, – почти прошептала Лера, не зная, как объяснить монаху, что зеркало необходимо ей вовсе не для того, чтобы любоваться на себя, а чтобы проверить свои догадки.

– У нас есть большая бочка во дворе. Мы всегда держим в ней запас воды, – сказал вдруг старик. – Если желаете, я провожу вас туда!

– Да-да! Пожалуйста! – обрадованно воскликнула она.

И когда монах плавным жестом указал ей направление, приглашая пройти, поспешила за ним. И правда, в дальнем углу двора, под раскидистым цветущим деревом, ветви которого были усыпаны благоухающими розовыми цветами, стояла вкопанная в землю огромная бочка, доверху наполненная водой.

Не в силах сдерживаться, Лера подбежала к ней и, приподнявшись на носочки, заглянула внутрь.

И тут же с криком отпрянула, закрыв лицо ладонями: в водном зеркале отражалась не она! Девушка, которую увидела там Лера, была кем угодно, но только не Лерой Власовой, двадцатипятилетней девчонкой из маленького провинциального городишки, рыжей, зеленоглазой и конопатой!

Каждый раз, когда она ворчала по поводу этих самых веснушек, мама мягко посмеивалась и говорила, что ее поцеловало солнышко – оттого ее доченька и сама, как солнышко, такая же яркая и светлая!

В то время как из бочки на нее смотрела совсем юная азиатка со светлым личиком в форме сердечка, с раскосыми, приподнятыми к вискам глазами и губками бантиком. Четкий пробор посередине делил черные блестящие волосы ровно пополам, сплетенные над ушами в две тонкие косички, уходившие назад и образующие вместе с остальными волосами ту самую толстую косу, которая, как выяснилось, спускалась ниже ягодиц, стянутая на кончике красной шелковой лентой.

Подобный способ плетения тоже был знаком Лере. Сколько раз в исторических дорамах видела она героинь с подобными прическами!

Она так и стояла, спрятав лицо в ладони, не в силах поверить, что у нее нет теперь даже собственной внешности, столь привычной и понятной.

А потом рядом осторожно откашлялся старый монах:

– Вы в порядке, молодая госпожа?..

Она промолчала, не желая объяснять, что совсем не в порядке. Лере казалось, что старик примет ее за сумасшедшую, если она начнет объяснять ему, кто она и откуда. А он, почувствовав смятение девушки, спросил негромко:

– Вы ведь дочь одной из тех благородных семей, что живут в Ёнджу?.. Как ваше имя, дитя? Мы поможем вам вернуться в родительский дом.

И что она должна была ответить?.. Если не помнила не только своего имени, но и не подозревала вообще – куда ее занесло. А потому просто покачала головой, не зная, что ответить.

– Вы не можете сказать, кто вы? – настаивал пожилой монах.

– Я – не знаю, не помню, – ответила девушка. И ведь ни в чем не солгала.

Лера понятия не имела, кто та молоденькая азиатка, чье отражение показала ей вода из бочки. Ни как ее зовут, ни кем она является. Единственное, что она помнила, и то довольно смутно – это то, что ее привез к обители таинственный незнакомец с закрытым лицом.

Все происходящее казалось ей чьей-то недоброй шуткой, розыгрышем. Она все ждала, что вот-вот откуда-нибудь из-за стены монастырского здания выскочат люди с камерой и радостно закричат: «Сюрприз-из! Улыбнитесь! Вас снимают скрытой камерой!» Но время шло, а никаких телевизионщиков и шоу-мейкеров так и не появлялось. И какой удачей ей казался теперь тот факт, что она понимала язык обитателей монастыря. Она не знала, на каком из существующих (или не существующих в ее мире) языков говорили эти люди, и на каком языке отвечала им она. Непреложным оставался лишь тот факт, что она понимала, и её понимали. А ведь вполне могло бы оказаться и так, как произошло с героиней одного из фэнтези романов, прочитанных незадолго до этого девушкой на известном литературном портале. Там главная героиня (которую, кстати, тоже звали Лерой!) внезапно попала в мир, сплошь состоявший из песчаной пустыни, и первое время оказалась совершенно беспомощной – без знания языка, обычаев и реалий, в которые она оказалась заброшена. Не хотела бы наша Власова оказаться на месте той девушки!

Монастырь со всех сторон окружали высокие, поросшие лесом горы. К обители вела единственная дорога, в сухую погоду утоптанная до каменной твердости. Но Лера подозревала, что стоило пролиться сильному дождю, как она превращалась в полужидкое месиво.

Дорога эта, как выяснила позже Лера, вела в город Ёнджу, центр одноименного уезда. Похоже, именно оттуда и отправлялась на паломничество и поклонение святыням юная аристократка, в тело которой каким-то невероятным образом занесло нашу героиню.

Монахи шептались между собой, что горы кишат разбойниками. Иногда до уединенной обители доходили слуги, что то тут, то там на богатых граждан напали по дороге, молниеносно ограбили и снова скрылись в неизвестном направлении таинственные вооруженные люди. Говорили также и о том, что без особой необходимости эти люди никого не убивали и не калечили.

И девушка подозревала, что хозяйке ее нынешнего тела как раз и «не посчастливилось» пересечься с этими лихими людьми. Но чем могла помешать им юная девушка, что в нее начали стрелять? Возможно, девчонка от страха завизжала или еще как-то выдала свое присутствие в паланкине, в котором затем очнулась Лера, и в нее выпустил стрелу обладатель грубого голоса, которого слышала и она, когда он спорил со своим предводителем.

Ответов на эти вопросы девушке никто не мог дать. Да она и не задавала их никому, опасаясь, что ее примут за сумасшедшую. А посему решила пока не высовываться и сидеть ниже травы, тише воды.

Не выгоняют из обители – и то хорошо!

Конечно, существовали некоторые сложности. Монастырь-то был мужским! В обители Лера оказалась единственной женщиной. И девушка подозревала, что ее пребывание здесь долго не продлится. Монахи постараются как можно скорее избавиться от нежданной «гостьи».

Но пока ей позволяли жить в маленькой келье, где она очнулась в первый раз. Келья эта располагалась в дальнем здании на территории обители. Так Лера могла почти не пересекаться с обитателями этого места. Она по-прежнему общалась только со старым настоятелем, а пищу ей приносил один и тот же молодой молчаливый монах, быстро ставил на низенький столик на трех ножках плоский круглый поднос с глиняной миской и кувшин с водой, а глиняный бокал у Леры был постоянно. Он никогда не заговаривал с ней, и девушка подозревала, что старый настоятель попросту запретил ему это. Однако однажды Валерия не выдержала и задала-таки старцу вопрос, почему тот монах всегда молчит.

И каково же было ее изумление, когда настоятель ответил, что молодой монах дал обет молчания. Девушка подивилась, однако же не стала продолжать расспросы, дабы не вызвать лишней раз подозрение старика.

Ей не пришлось учиться есть деревянными палочками: дома они с мамой иногда в выходные, редко совпадавшие у обеих, выбирались в городское кафе, где заказывали роллы и азиатские салаты, и там подавали палочки. Так что хоть в этом Лера могла не бояться, что оконфузится перед монахами.

Хуже было только с гигиеной. Привыкшая каждый вечер принимать душ пред сном, она ощущала теперь жуткую ностальгию по благам цивилизации своего мира. Но делать было нечего, и ей пришлось приспособливаться и к этому. Когда впервые девушка спросила настоятеля, где она может помыться, тот несколько мгновений не сводил с нее цепкого взгляда, словно что-то обдумывал, а потом, пожевав бледными тонкими губами, произнес:

– Во дворе есть колодец, воду из которого мы используем для своих нужд. Но неподалеку протекает река. Летом монахи купаются прямо там...

– А зимой? – тут же спросила она.

– Когда холодно – греем воду в больших котлах над костром, – невозмутимо ответил старик. Но в глазах его мелькнуло что-то такое, отчего девушка поняла, что он решил подшутить над молодой барышней, наверняка привыкшей к тому, что этим для нее занимаются многочисленные слуги.

– А моетесь... Где вы моетесь? – поспешила задать вопрос Лера.

– Для этого у нас есть большие бочки.

– Понятно, – выдохнула девушка, стараясь сделать это незаметно.

Глава 5

Лера была еще в монастыре, когда там появился однажды ее таинственный спаситель. Девушка возвращалась из отхожего места – она уже немного оправилась от раны в плече и потихоньку передвигалась самостоятельно, стараясь, однако, не мелькать сильно перед монахами, потому что понимала, что даже если эти люди и соблюдали celibat, не стоило мелькать перед ними слишком часто, провоцируя на ненужные мысли. Лера уже хотела свернуть за угол одного из зданий, как вдруг услышала негромкие голоса. Один из говоривших был настоятель, преподобный Мун. А вот голос второго Лера узнала сразу, хотя и слышала его всего один раз – в тот день, когда очнулась в этом чужом, непонятном мире. Ее музыкальный слух не подвел девушку – это был человек, доставивший ее к монастырским воротам и оставивший там. Так, значит, он знаком с настоятелем? Неспроста тот так спокойно говорит с незнакомцем. Девушка отступила на шаг назад и прислушалась.

Пожилый монах что-то отвечал мужчине, лица которого девушка в прошлый раз так и не увидела – его прикрывал кусок черной ткани. Лера невольно подалась вперед, чтобы лучше слышать.

– Девушка понемногу идет на поправку, но беда даже не в этом. Она страдает потерей памяти – не помнит и своего имени...

– Святой отец, а вы не пробовали расспросить ее о родичах?

– Как же! В самый первый день! Но могу с уверенностью сказать тебе одно – девушка не из простого рода. Ханбок ее был очень богатым, из дорогого шелка. Простолюдины такого не носят.

– Отец мой, откуда же вам знать это, если вы отринули все мирские блага? – в голосе незнакомца прозвучала едва заметная усмешка, но она была беззлобной, скорее дружеским подтруниванием, хотя он беседовал со старым монахом уважительно, как младший со старшим и более мудрым.

– Я тоже не всегда был монахом, – проворчал настоятель Мун, а его собеседник вдруг весело рассмеялся и, снова чуть приглушив голос, произнес:

– Да, я знаю. Вы рассказывали мне это много раз. Вы были великим воином, и враги трепетали, слыша ваше имя. И именно вы научили меня быть милосердным...

– Но, видно, в этот раз что-то пошло не так, если девушка оказалась здесь, раненая и без сознания... – в голосе старого настоятеля послышалось осуждение, и Лера замерла, вжавшись в стену, выложенную керамическими плитками. Она затаила дыхание, боясь даже этим звуком выдать свое присутствие.

А молодой мужчина (а он явно был молодым – голос чистый, звонкий, без хрипотцы и глухости, свойственной тембру пожилых людей) между тем неохотно отвечал:

– Это всё Хван Бо! Его рисом не корми – дай пострелять! А девчонка еще и закричала... У него это до автоматизма отработано...

– Ох, сын мой!.. Не тому я тебя учил...

– Да, святой отец! Но я всего лишь помогаю обиженным и обездоленным. Что было бы с Лу Ханом, если бы он не прибил к нам?.. Вы же знаете, что сделал помещик с его родителями?.. – тут он осекся, словно опасался, что его могут услышать.

А Лера вся превратилась в слух. «Местный Робин Гуд?.. Интересно!» – подумала она.

И осторожно выглянула из-за угла здания, в надежде рассмотреть собеседника настоятеля. Но широкополая конусообразная шляпа, сплетенная из соломы, почти полностью скрывала лицо мужчины. Однако высокий рост, широкие плечи (про такие говорят: «косая сажень в плечах»), тонкая талия и длинные ноги в широких штанах, заправленных в черные сапоги с невысокими голенищами, говорили о том, что мужчина очень даже неплох.

Лера осознала это и ужаснулась своим мыслям.

«О чем ты думаешь, дурочка?! Тебе надо решать, как устраиваться в этом мире, а не о парнях мечтать!» Однако же любопытство съедало ее – так хотелось Валерии увидеть лицо таинственного разбойника. А он, между тем, продолжал расспрашивать старого монаха:

– Святой отец, вы уже выяснили, кто она? И откуда?

– Она ничего не помнит. Послушай, Юн Хо (он впервые назвал разбойника по имени), вы точно не били ее по голове?

– Святой отец! – возмущенно вскричал тот. – За кого вы меня принимаете?! Я не воюю с детьми и женщинами! И к ней никто и пальцем не прикоснулся...

– Да-да, я знаю! Только стрелой, – в голосе старого монаха явственно прозвучала усмешка.

– Отец мой... Я же говорю – это Хван Бо.

– Я слышал, ее спутники тоже погибли...

– Только вооруженные стражники. Те, кто нес паланкин с девушкой и подарки для монастыря, разбежались. Мы их не трогали... Ее воины начали первыми стрелять в нас! Мы лишь защищались! Кто виноват, что мои люди более меткие стрелки и лучше владеют мечом?

– Ты бы лучше помолился, мальчик мой, чем оправдываться передо мной! – строго сказал старик. – Оправдываешься – значит, чувствуешь свою вину!

– Эти бедняки, которым мы помогаем, тоже молились. И что? Разве боги ответили им? Разве помогли они хотя бы раз? Хоть кому-нибудь из тех, над кем измываются богачи?! – в голосе парня послышалась такая неприкрытая ненависть, что Лере, невольно подслушавшей этот разговор, сделалось не по себе.

– Сын мой, твоя душа отравлена злобой и ненавистью, – негромко произнес старик.

– Нет, отец мой! Я вполне осознаю, что не все люди – плохи. Возможно, и среди «белой кости» есть порядочные люди, да вот только пока я таких не встречал... Ладно, святой отец, мне пора возвращаться... – сказал он уже совсем другим, более спокойным тоном.

– Скажи, Юн Хо, все ли твои люди здоровы? – спросил, между тем, настоятель.

- Да, хвала богам, все здоровы.
- Возьмешь целебных трав?
- Буду очень вам благодарен, святой отец!

– Тогда идем, я упакую их тебе! – позвал старец, и они направились аккурат в сторону Леры. Та, зажав себе рот обеими ладонями, чтобы случайно не выдать свое присутствие, припустила со всех ног прочь.

И, конечно же, не могла видеть, что старик заметил ее поспешное бегство и улыбнулся одними уголками рта. Юн Хо тоже увидел мелькнувшее в отдалении серое одеяние и взметнувшийся в воздух конец длинной косы.

Он ошеломленно встретился взглядом со стариком, и тот лишь прикрыл на пару секунд веки и кивнул в знак согласия, что парень все понял верно. Тогда разбойник фыркнул, как норовистый конь, и пробурчал себе под нос:

- А девчонка еще и подслушивает!

– Не думаю, что она могла услышать нас, – покачал голой головой настоятель. – Но, даже если что-то и услышала, не думаю, что могла догадаться, кто ты.

- А вообще – какая она, отец мой?

- Совсем юная девушка, но на удивление стойко переносит все, что выпало на ее плечи.

Разбойник кивнул каким-то своим мыслям и поторопился вслед за стариком.

А вскоре после этого события Лера возвратилась «домой». Один из монахов по поручению настоятеля отправился в Ёнджу – послушать последние сплетни на городском рынке. И там узнал, что пропала старшая дочь семьи Шим – Шим Со Хён. Она направлялась на поклонение святыням в один из монастырей, но по пути что-то произошло, и девушка исчезла. Когда процессия из паланкина, слуг, отправившихся вместе с молодой госпожой и несущих богатые дары монастырю, и охранников, которых господин Шим Он отрядил сопровождать его дочь, не вернулась вовремя в имение, старшая госпожа, леди Сун Хын из клана Ан, забила тревогу. Воины, находившиеся на службе у королевского советника Шим Он, отправились вслед уехавшим, но на одном из участков лесной дороги обнаружили лишь пустой паланкин и мертвые тела нескольких охранников. Все ценности, которые везли в дар монастырю, пропали, так же, как и девушка. Воины объехали все окрестности, но все было тщетно. Пропавшая так и не нашлась. Как и слуги, несшие паланкин, и те, которые несли подарки. Они просто бесследно исчезли.

Господин советник подозревал, что это происки его врагов. Его супруга не вставала с постели, убитая горем, даже младшие дети вели себя очень тихо. Вся атмосфера в доме очень напоминала траур.

Его величество король Тэджон сочувственно отнесся к этой потере своего верного слуги. И даже позволил ему на некоторое время покинуть столицу и отправиться к семье в Ёнджу. В монастырь, в который направлялась девушка, тут же по приказу господина отправились несколько воинов, однако же монахи с удивлением сообщили прибывшим, что никакая юная девушка в монастырь не приезжала. Советник Шим Он должен был возвращаться в столицу – срок его пребывания в Ёнджу подошел к концу. Наказав супруге сообщить ему, если появятся какие-то новости, важный сановник отбыл во дворец.

Обо всем этом услышал ушлый монах и счел необходимым сообщить супруге советника (сам-то он в это время находился по делам государственной службы в Ханьяне), что, скорее всего, именно его старшая дочь находится сейчас в обители Ёнмунса. Госпожа Сун Хын, не дожидаясь возвращения супруга, приказала стражникам и паре служанок сопроводить молодую госпожу домой, где ее уже встретят родные.

Так позже и случилось. За девушкой прислали паланкин, восемь конных воинов сопровождали его. Две служанки, отправленные матерью Со Хён, привезли с собой нормальную, приличествующую статусу дочери знатной семьи одежду, помогли девушке облачиться в нижнюю белоснежную юбку, поверх которой надели тонкую шелковую юбку-хчима цвета утрен-

ней зари, расшитую по длинному подолу нежными цветами пиона. Короткая, чуть ниже груди кофточка-чогори нежно-кремового цвета, с широкими рукавами, не распахивающаяся благодаря завязанным хитрым узлом с петлей широким и длинным лентам в тон юбке, довершила облик Леры.

Переодевая молодую хозяйку, девушки заахали, увидев рану на ее плече, едва затянувшуюся и все еще перевязанную чистой узкой тканью, которую здесь использовали вместо бинтов.

Все это время ее лечением занимался сам старый настоятель – остальным монахам нельзя было общаться с женщиной, так же как и прикасаться к ней и видеть ее без одежды. К старому же монаху Лера заставила себя относиться, как к доктору в своем мире – мы же не стесняемся раздеваться на приеме у врача. А старик, похоже, за свою долгую жизнь столько повидал, что уже ничему не удивлялся и ничего не смущался.

Заплетя заново в косу длинные черные волосы молодой госпожи, служанки закрепили ее конец алой лентой, а виски украсили чудесными золотыми заколками, украшенными цветами из драгоценных камней. В ушки осторожно вставили небольшие изящные сережки и восхищенно зацокали, любуясь делом рук своих.

Жаль, в обители не было зеркала, и Лера не могла увидеть себя. Но служанки наперебой восхищались ее красотой, и она предпочла поверить их словам, хотя и подозревала, что девушки восторгаются ею скорее по обязанности.

Правда, когда она вышла из кельи, которую занимала все то время, пока находилась в монастыре, настоятель, окинув ее фигуру быстрым взглядом, слегка улыбнулся и сказал нейтрально:

– Дитя мое, скоро вы очутитесь дома, где вас с нетерпением ждут родные.

– Спасибо вам большое за то, что приютили меня и заботились обо мне все это время, – с благодарностью произнесла Лера и низко поклонилась – так в данный момент требовала ее душа.

– Да пребудет с тобой благословение богов, дитя! – провёл перед ней морщинистой рукой сверху вниз настоятель.

Лера в сопровождении обеих служанок вышла за ворота монастыря, где их уже ожидали четыре крепких носильщика с паланкином и восемь вооруженных всадников.

Как по команде, они поклонились своей госпоже, и один из них, бывший, видимо, главным, сказал:

– Госпожа Со Хён, ваша матушка, благородная госпожа Сун Хын, приказала сопроводить вас домой, в Ёнджу! Пожалуйте в паланкин, госпожа!

Лера в последний раз оглянулась на стены монастыря, в котором провела последние дни, и начала неловко забираться в тесную коробку с четырьмя толстыми ручками, как у носилок.

«Так вот, значит, как зовут ту, в чьем теле я сейчас нахожусь! Со Хён. Красиво!»

Одна из служанок опустила крышку, служащую дверцей, носильщики единым движением подняли короб, и процессия медленно двинулась по дороге, увозя нашу попаданку к новой, неизвестной жизни.

Глава 6

Лера

Они почти полдня добирались до Ёнджу – все-таки носильщикам и служанкам, сопровождавшим девушку, приходилось идти пешком. Первое время Лере было неловко, что она с комфортом едет в паланкине, в то время как остальные тащат эти крытые носилки на себе. Но, видно, так в этом мире было заведено, и девушка смирилась с неизбежным, не желая своим нетипичным поведением вызывать ненужные вопросы в головах окружающих.

А потом ей стало попросту все равно – так мерное покачивание носилок убаюкало Леру. Она лишь постаралась поудобнее устроиться на мягких шелковых подушечках внутри и незаметно для себя самой задремала.

Проснувшись она, услышав осторожный голос одной из служанок, зовущей ее снаружи. Лера открыла глаза и поняла, что паланкин не двигается.

– Госпожа! Госпожа! – негромко окликнула ее служанка.

– Что такое? – слегка хриловатым со сна голосом отозвалась она, садясь в коробе, в котором сейчас было довольно душно.

– Госпожа, привал. Вы не желаете размять ножки?

Девушка прислушалась к своему организму: да, подвигаться было бы не лишним.

– Хорошо! – повысила она голос. – Помогите мне выбраться отсюда!

Крышка в боковой части паланкина откинулась вверх, и яркое послеполуденное солнце брызнуло свои лучи в лицо Лере.

Она неловко выбралась наружу, опираясь на почтительно протянутую руку служанки – Лера так и не узнала, как ту зовут. Охрана расположилась тут же вокруг, немного в отдалении – мужчины в темно-синих одинаковых одеяниях и широкополых шляпах с круглыми тульями (как поняла Валерия, это было что-то вроде единой формы), украшенных длинными нитями разноцветных бус, все вооруженные мечами, а некоторые и луками – из колчанов за спиной виднелось оперение стрел.

– Госпожа, тут неподалеку протекает ручей, не желаете ли освежить лицо и руки? – обратился к ней крепкий мужчина средних лет – он был главным над стражниками.

– Да... Хорошо бы, – согласилась она. И подумала, что неплохо было бы еще и уединиться – насыщенные потребности организма снова дали о себе знать.

– В таком случае, позвольте проводить вас, госпожа, – склонил голову командир.

– А... – она лихорадочно соображала, как бы отказаться от его услуг. – Здесь ведь никого нет – пусть меня проводят девушки!

– Но... госпожа... – возразил мужчина. – Это может быть небезопасно!

– Послушайте, мне нужно... – девушка мучительно покраснела, не зная, как донести до этого чужого человека свою мысль.

Но он, кажется, уже и сам догадался – отступил на шаг назад и вновь склонил голову в поклоне. И Лера была уверена, что заметила скользнувшее по его губам под темными усами легкое подобие улыбки.

Проклиная себя за это смущение, Лера все-таки осведомилась:

– Где, говорите, этот ручей?

Мужчина махнул рукой в сторону густого кустарника, разросшегося впереди, и, найдя взглядом служанку, Лера кивнула ей, направляясь в сторону ручья. Служанка поклонилась и заторопилась вслед за своей госпожой.

Валерия прошла совсем немного и, действительно услышала журчание близкой воды. Девушка ускорила шаг, выискивая просвет между кустами, и вскоре увидела блеск воды впереди. Тогда она обернулась на служанку и сказала:

– Мне нужно... Уединиться...

– Что? – не поняла та. И Лера с досадой повторила.

– Справить нужду...

– Ой, – ахнула девушка. – Простите, барышня!

– Ты... Не ходи за мной... Я тут, рядом...

И юркнула под защиту густых веток.

Когда все было сделано, Лера поспешно оправила длинную пышную юбку и начала спускаться к ручью. Приподняв подол, чтобы не намочить его, присела и опустила руки в прохладный поток, с наслаждением чувствуя, как усталость от долгой дороги смывается бегущей водой.

Потом зачерпнула полные пригоршни и омыла лицо, отфыркиваясь от щекоотливых капелек, побжеавших по разгоряченной на солнце коже.

И вдруг замерла, услышав какой-то посторонний звук – словно негромкое фырканье, как будто где-то впереди находилась лошадь. Девушка резко подняла голову и замерла – на противоположном берегу неширокого в этом месте ручья в тени раскидистых деревьев стоял человек, мужчина в черной одежде, с закрытым куском черной ткани лицом. Какое-то чутье подсказало Лере, что с человеком этим она уже встречалась ранее и последний раз видела его в обители, разговаривающим с настоятелем Муном. От неожиданности Лера резко вскочила на ноги, но не удержалась на скользкой траве и едва не свалилась в воду, замахав руками, чтобы хоть как-то удержать равновесие. Девушка сдавленно вскрикнула, уже готовясь мысленно к тому, что через мгновение окажется в холодной воде. И в ту же минуту увидела, как мужчина огромными шагами кинулся к ней прямо через ручей. В этом месте было совсем мелко, и это позволило ему вовремя подхватить Леру, не давая ей упасть.

Руки его крепко и в то же время аккуратно держали ее, обхватив кольцом вокруг туловища. А грудь бурно вздымалась от стремительного марш-броска через ручей. Она же судорожно вцепилась пальцами в его одежду на груди, ощущая толчки сердца в широкой грудной клетке.

Он молча смотрел черными раскосыми глазами на девушку и ничего не говорил. А она только хватала ртом воздух, распахнув в пол-лица глаза. Время, казалось, остановилось, замерло. Стояла почти неестественная тишина, прерываемая лишь мирным журчанием ручья. Так стояли они, не размыкая рук, не разрывая взглядов.

А потом неподалеку раздался обеспокоенный голос служанки:

– Госпожа моя! Вы в порядке?..

Лера вздрогнула и ответила, стараясь, чтобы собственный голос звучал непринуждённо:

– Да-да! Я уже иду! Ты не ходи сюда!.. – и разжала пальцы, казалось, намертво вцепившиеся в черную ткань, обтягивающую грудь разбойника, держа руки на весу, не решаясь более опереться на мужчину.

Он как будто улыбнулся под этой своей повязкой (во внешних уголках глаз появились тоненькие лучики-морщинки) и отпустил ее, уронив руки вдоль туловища и отступив назад. При этом в сапогах его отчетливо хлюпнуло: видимо, во время пробежки через ручей он зачерпнул-таки воды.

Лера попятилась назад, придерживая пальцами длинную чхима, а потом резко развернулась и быстро пошла прочь от ручья, но через несколько шагов оглянулась – однако на берегу уже никого не было.

И девушка заторопилась уйти дальше отсюда: где-то в глубине души она чувствовала, что никто из сопровождавших ее людей не должен узнать, что она была на берегу ручья не одна.

Увидев ее, служанка кинулась к молодой госпоже:

– Барышня, поспешим! Охрана теперь уже, наверное, волнуется!

– Да, идем! – кивнула она. – Ты сама-то освежилась?

Служанка с каким-то удивлением взглянула на нее, но тут же отвела взгляд и, низко поклонившись, ответила:

– Да, барышня! Спасибо вам!

– Да мне-то за что?! – теперь уже пришла очередь Леры удивляться. Но она тут же прикусила язычок, догадавшись, что, видимо, здесь у господ не принято интересоваться самочувствием слуг.

Чтобы скрыть некоторое смущение, Лера решительно направилась к дороге, на которой уже ожидали их стражники.

– Госпожа, пора отправляться! – встретил ее усатый мужчина.

– Да-да, едем, – отозвалась девушка и полезла в паланкин.

А вскоре вся процессия уже двигалась дальше. Мерное покачивание носилок не мешало Лере размышлять над тем, каким образом разбойник оказался на пути их следования. И единственное объяснение, которое приходило ей в голову – это то, что он каким-то образом узнал, что именно сегодня за ней приедут из дома вельможи, который был отцом юной кореянки, в чьем теле Лера оказалась.

Но зачем мужчине нужно было следить за ними? На этот вопрос у нее не было внятного ответа.

Глава 7

Лера

Еще часа через три (по внутренним ощущениям Леры) впереди показались окраины Ёнджу. С противоположной от дверцы стороны в паланкине было небольшое окошко с решетчатой створкой, оклеенной рисовой бумагой, и, догадавшись, что его можно приоткрыть, сдвинув в сторону, как двери шкафа-купе из Лериного мира, девушка получила возможность утолить свое любопытство.

Ведь пока она видела здесь лишь постройки мужского монастыря. Сейчас же с жадностью скользила взглядом по бедняцким хижинам, ютившимся на окраинах города. Девушка не приближала лицо к окну, опасаясь, что ее могут заметить, но и так – сидя в глубине паланкина, она могла рассмотреть людей в странных старинных одеждах, смутно знакомых ей по дорамам.

Вся разница была лишь в том, что эти люди не были актерами, играющими роли – они на самом деле жили здесь и сейчас, занимались своими повседневными делами, не подозревая, что стали объектами пристального внимания чужачки, неизвестно каким ветром занесенной в их мир.

Небольшой отряд уверенно двигался по улицам, и вскоре строения стали гораздо больше и богаче, а улицы шире и чище. Горожане опасливо расступались перед отрядом всадников, окруживших паланкин, таким образом, освобождая путь. Еще через какое-то время они остановились перед нарядными прямоугольными воротами, над которыми протянулся черепичный двускатный козырек. Ворота эти вели, видимо, во двор. По обе стороны от ворот тянулась высокая кирпичная стена, отделявшая поместье от остальных улиц города. Командир охраны, не спешиваясь, протянул руку и дернул за веревку, привязанную к язычку довольно большого медного колокола, висящего на кронштейне сбоку. Раздался мелодичный звон, и вскоре из-за ворот послышался громкий мужской голос:

– Кто там?

– Открывай, Сон Дык! Молодая госпожа вернулась домой! – зычно ответил усатый командир, и широкие створки ворот поползли в разные стороны, открываясь.

Отряд тут же въехал в просторный широкий двор, образованный стоящими в форме буквы П зданиями, создающими вместе с высокой оградой огромный квадрат.

Носильщики остановились и опустили паланкин на землю. Все та же молодая служанка откинула на крышу короба дверцу и с низким поклоном помогла своей госпоже выбраться наружу.

Лера незаметно постаралась потянуться, разминая затекшие от неудобного сидения в паланкине мышцы. А из одного из зданий уже выходила статная немолодая женщина в богатых одеяниях, со строгой прической, удерживаемой длинной золотой спицей, с властным выражением холеного лица.

Уже спешившиеся к тому времени воины и служанки низко поклонились, и Лера каким-то образом поняла, что это и есть хозяйка богатого дома и супруга главного королевского советника, мать девушки по имени Со Хён.

Она попыталась было тоже изобразить поклон, но женщина быстрым шагом подошла к ней и, обхватив тонкими пальцами предплечья Леры, заглянула ей в лицо:

– Дочь моя! Ты вернулась! Хвала всем богам! Ты в порядке?

– Да... матушка, – ответила она, чуть запнувшись перед последним словом.

А женщина уже повелительно распорядилась:

– Командир Ким, вы все можете отдыхать.

– Спасибо, госпожа! – поклонился тот, и это движение синхронно повторили за своим командиром остальные воины.

– Как прошел ваш путь? В дороге не было ничего опасного? – спросила хозяйка.

– Нет, госпожа! Все прошло спокойно, и нам удалось доставить юную госпожу домой без заминки! – четко ответил он.

«Ну-ну...» – подумала Лера, но вслух, естественно, ничего не сказала. И то! Не сообщать ведь всем, что у ручья у нее произошла неожиданная встреча с грозным разбойником!

Между тем, жена советника приказала одной из служанок, вернувшихся вместе с отрядом, позвать кого-то по имени Хюн Шим, и девушка, поклонившись, побежала куда-то вглубь двора – видимо, там были еще какие-то строения.

А женщина посмотрела на Леру и сказала все тем же ровным голосом, каким она разговаривала с остальными:

– Идем, дочь моя! Тебе нужно в купальню – освежиться с дороги. А потом будешь трапезничать! Ты ведь, наверное, голодна с дороги?

Лера ничего не успела ответить – за нее это сделал громко забурчавший желудок.

– Ну вот! Что я и говорила! Идем скорее!

– Барышня Со Хён! – раздался в стороне незнакомый женский голос и, повернув голову в том направлении, Лера увидела спешащую к ним грузную немолодую женщину в простом скромном ханбоке темно-коричневого цвета, переваливавшуюся с ноги на ногу и оттого чем-то напоминавшую Лере утку. Видимо, у старой женщины болели ноги, но она изо всех сил спешила к юной госпоже.

– Хюн Шим! Ну, где же ты ходишь? – чуть повысила голос аристократка.

А та уже на ходу кланялась:

– Простите, госпожа! Как только Да Хён сказала, что барышня вернулась, я изо всех сил поспешила сюда! Ох, дитя! Ты вернулась, милая! – она подскочила к Лере и заключила ее в крепкие объятия, прижав к большой мягкой груди.

– Хюн Шим, сколько раз я просила тебя не называть мою дочь так фамильярно! – недовольно высказала ей хозяйка. – Она уже давно не тот ребенок, которого ты вскармливала грудью!

– Простите, простите, моя госпожа! – принялась снова кланяться старая женщина. – Хвала богам, наша барышня вернулась домой!

– Да, и тебе следует проводить ее в купальню. День сегодня жаркий, моей дочери нужно смыть дорожную усталость с тела. Да распорядись, чтобы ей подали потом еду! Ступайте, ступайте!

– Слушаюсь, госпожа! – смиренно поклонилась пожилая кормилица. И немного виновато посмотрела на Леру. – Идите за мной, барышня!

Девушка поспешила за ней, не желая, чтобы гнев хозяйки обрушился на Хюн Шим. Она решила, что эта женщина была кормилицей и нянюшкой юной Со Хён.

Та привела ее в какое-то отдельное помещение с квадратным углублением в полу, выложенным мраморными плоскими плитками и заполненным водой, над которой поднимался пар. На поверхности воды плавали алые розовые лепестки. Рядом стояла небольшая скамеечка, а еще чуть поодаль – низкий шестигранный столик, на котором расположился фарфоровый кувшин и несколько таких же белоснежных фарфоровых чашечек и пиалок, наполненных какими-то яствами.

Едва Хюн Шим закрыла за ними дверь купальни, она обернулась к девушке и расплылась в доброй улыбке:

– Моя милая девочка! Как же я волновалась за тебя! Давай, скорее помогу раздеться! И забирайся в воду!

– Хюн Шим... – нерешительно начала Лера. – Я многое забыла... Потеряла память...

Старая женщина ахнула сокрушенно, схватившись за полные щеки ладонями и расширив глаза:

– Потеряла память? Ох, несчастье-то какое!

– Да... Я не помню, как я называла вас... тебя раньше?

– Так нянюшкой же и звала, деточка! – с готовностью ответила кормилица. – Я же с тобой с самого рождения занималась, и грудью я тебя выкормила, в ту пору мой малыш умер от горячки, а молока было много...

Её лицо при этих воспоминаниях накрыла легкая тень печали, но потом она спохватилась:

– Ох, милая, что же это я?! Давай-ка, раздевайся, деточка! А я потом схожу за свежей одеждой для тебя! И распорядюсь насчет обеда! – и она принялась споро освобождать Леру от чогори и чхима. Девушка осталась лишь в белом нижнем ханбоке и белых же длинных штанах. Носочки и туфельки из шелка, с вышитыми на них цветами азалии, она скинула сама. Вслед за ними отправилось и «нижнее белье». Но почему-то, оставшись обнаженной, Валерия ничуть не стеснялась этой женщины, которая, как она полагала, всем сердцем любила прежнюю хозяйку тела.

– Ох, моя дорогая! – ахнула Хюн Шим, увидев забинтованную рану Леры. – Ох, злодеи! И как у них рука-то поднялась на дитя?! – запричитала она.

И Лера поспешила заверить ее, что рана хорошо заживает – старый настоятель монастыря неплохо знает дело врачевания.

– Осторожно, деточка! – напутствовала нянюшка, помогая девушке спуститься в бассейн по невысоким ступенькам.

Та со вздохом наслаждения опустила на небольшую приступочку, погрузившись по плечи в горячую ароматную воду.

Наконец-то она могла нормально помыться – пожалуй, впервые в этом мире без современного душа и ванны.

Кормилица, между тем, отправилась за одеждой для своей юной подопечной. Лера осталась одна. Почему-то она была уверена, что пока она здесь, в купальню никто не осмелится зайти. Иначе ослушавшихся ждал гнев хозяйки дома.

Лера еще совсем мало времени знала жену советника Шим, но поняла, что та не давала спуска слугам, держа их в строгости. Да и как было иначе, если под ее началом находилось приличное число людей, как узнала позже Валерия.

Но пока она расслабилась в горячей воде, прикрыв веки и немного откинув назад голову. Это было такое наслаждение – после многочасовой тряски в паланкине дать отдых уставшему телу!

И снова почему-то ей вспомнилась встреча у ручья. Почему разбойник следовал за их процессией? Хотел убедиться, что в пути на них никто не нападет? Или хотел увидеть Леру? Или проследить, куда они проследуют? Вопросы, вопросы, вопросы... Лера не знала на них ответов. Зато она знала точно – что этот загадочный мужчина заинтересовал ее.

Правда, зачем ей это было нужно? Ведь их так многое разделяло... К тому же, один из его людей был виновным в ее ранении...

«Но ведь не он сам же! – мысленно возразила она себе. – Он, наоборот, с самого начала всячески помогал тебе и спасал твою жизнь! Вот даже и сегодня!.. Искупаться бы тебе в ручье, если бы не этот разбойник! Как его?... Да, точно! Юн Хо!»

Она еще раз мысленно произнесла имя мужчины, снова отметив, как мелодично оно звучало. А уж поющая всю свою сознательную жизнь Валерия в этом хорошо разобралась.

И как пронзительно он смотрел сегодня! Какое пламя разгоралось в его черных глазах!

Лера почувствовала вдруг, как, несмотря на горячую воду в бассейне, прохладные мурашки пробежались по ее коже, сосредоточившись где-то в глубине груди – там, где в этот момент быстро забилося сердце.

«Уф, Лера! Прекрати! Что ты себе вообразила! – остановила она себя. – Больше ты никогда не увидишь этого человека! Хватит грезить! Вернись на землю! Подумай лучше о том, как теперь будешь жить в этом мире, в котором совершенно не ориентируешься!»

Ладно, она подумает об этом в более спокойной обстановке. А где же нянюшка? Ведь она должна была принести ей чистую одежду!

И, словно подслушав ее мысли, Хюн Шим появилась в купальне с аккуратной стопкой вещей.

– А вот и я, милая! Со Хён, ты уже искупалась? – спросила она, кладя на скамеечку вещи девушки. – О! А что же ты не взяла душистое мыло?

Говоря это, женщина взяла с полочки у стены пузатую маленькую баночку с обвязанным кусочком промасленной бумаги широким горлышком, удерживаемым льняной бечевой, и открыла ее – по воздуху поплыл приятный аромат трав. Женщина взяла крошечную плоскую деревянную лопаточку и, подцепив ей густое мыло, положила его на жесткую тряпочку, служившую, видимо, своеобразной мочалкой.

– Держи, девочка! Давай-ка я тебя помою!

– Э... Не надо, няня! Я сама!

Кормилица удивленно уставилась на нее:

– Но раньше тебе всегда помогала я или твоя Ха Юль!

– Ха Юль? Кто это? – недоуменно спросила Лера и тут же осеклась. Попыталась исправить свою оплошность. – Я... не помню...

– Божечки! – всплеснула руками, в одной из которых была зажата «мочалка». – Да что ж это творится-то?! А госпожа знает? – вдруг с тревогой спросила женщина.

– Ну... Я пока еще не успела ей сказать...

– Вот же беда! – сокрушалась Хюн Шим. – Госпожа может осерчать!..

– А может... не говорить ей пока? – предложила Лера.

– Ох, не знаю!.. – покачала седой головой кормилица. – Думаю, сказать все же нужно...

– Ладно... – вздохнула Лера. – Но немного позже, хорошо?

– Да, да, – согласилась нянюшка. – А Ха Юль – это твоя служанка! Давай-ка я потру тебе спинку, дитя мое!

Лера с благодарностью отдалась ласковым рукам старой женщины.

А потом та еще тщательно промыла ее (да, теперь её!) длинные волосы, а когда размякшая от горячей воды девушка вышла из бассейна, осторожно ступая по невысоким каменным ступеням, Хюн Шим обернула ее мягким большим полотном, а позже, когда Лера надела нижнюю белоснежную чхима, обернув ее широкую планку вокруг груди, и села на низенькую скамеечку-банкетку с мягким сиденьем, нянюшка принялась осторожно подсушивать смоляные пряди еще одним куском ткани, а затем стала аккуратно, как-то слишком даже бережно расчесывать их широким гребнем из слоновой кости, спинка которого была украшена искуснейшей резьбой, изображавшей цветы и листья, переплетавшиеся в одном известном порядке.

Монотонные движения едва не усыпили девушку, и, заметив, что ее подопечная клюет носиком, а глаза ее, помимо воли так и норовят закрыться, старая кормилица спохватилась и неожиданно зычным голосом позвала служанку Ха Юль, велев той приготовить одежду барышни. Леру ждала трапеза. И девушка подозревала, что стол будет накрыт отнюдь не теми скромными блюдами, которые давали ей в монастыре.

Глава 8

Лера

Вот уже несколько дней Лера жила в богатом доме главного королевского советника в качестве его старшей дочери. Правда, за все это время она так и не увидела «отца» – дела королевской службы держали его в столице.

Весь уклад жизни этих людей, устройство быта настолько отличалось от прежнего существования девушки, что первое время она просто терялась, не зная, как поступить, что сделать, чтобы ее не приняли за сумасшедшую невежу. И ей очень повезло, что рядом всегда была либо старая нянюшка, либо ее личная служанка Ха Юль. Только эти двое знали, что она «потеряла память». Валерия не вдавалась особо в подробности данной «потери», но обе женщины – и пожилая, и совсем юная – приняли этот факт как данность и, на счастье Леры, нигде, кажется, не болтали о «молодой госпоже».

Лера, сколько ни пыталась, так и не смогла пока понять, где же она очутилась: в одной из так любимых ею дорам, в реальном историческом прошлом, или же вообще в каком-то параллельном мире, существующем наряду с ее Землей.

Она всеми силами старалась адаптироваться к новой реальности, усердно запоминая все, что могло пригодиться.

Во-первых, в богатом доме советника Шим было два крыла – внешнее и внутреннее. Внешнее крыло использовали для приемов, во внутреннем располагались жилые комнаты. Была еще и огромная, идущая через все павильоны, образующие единую замкнутую систему, терраса. Она играла роль главного холла, который связывал отдельные закрытые помещения в одно пространство. Прямоугольные колонны поддерживали крышу с открытыми стропилами и смотрелись одновременно очень монументально и в то же самое время как-то воздушно, вероятно, благодаря искусной росписи растительными орнаментами и изображениями сказочных птиц и бабочек.

Как позже Лера узнала совершенно случайно, из щебета болтушки Ха Юль, зимой панельные подъемные двери в опущенном закрытом состоянии играли роль стен террасы, образуя еще одну, отделенную от улицы комнату. Но сейчас, летом, все двери были подняты, подвешены на металлических крюках, формируя открытое пространство.

Во-вторых, жилой дом делился на мужскую и женскую половину. «Анбан» – комната во внутреннем крыле дома, принадлежащая жене советника, в которой она чаще всего проводила свое время и откуда вела все домашнее хозяйство, распоряжаясь многочисленными слугами. Правда, кроме самой хозяйки дома, в эту комнату допускались лишь ближайшие родственники и личные служанки. В связи с тем, что это были помещения с ограниченным доступом, ночью они отделялись от остального пространства закрытыми дверьми. Днем, когда двери были открыты или подняты, роль разделительных линий играли высокие пороги, позволяющие посторонним держать дистанцию.

Рядом с анбан располагалась комната дочери. Теперь в ней поселилась Лера. В комнате матери размещались предметы, необходимые женщине в быту: напольное зеркало, трехуровневый шкаф, ларец для документов, жаровня. Отдельное помещение было отведено под опочивальню госпожи. Все это девушка видела, когда по приглашению госпожи Сун Хын приходила в ее покои. В эти часы аристократка давала дочери наставления, как нужно вести дом мужа. Ведь когда-то ее Со Хён выйдет замуж за такого же отпрыска знатного чосонского рода и сама станет хозяйкой большого дома, вести который нужно очень внимательно.

Мать не сомневалась, что все так и будет, и именно такое будущее ждет ее дочь. Лера ничем не выдавала своих сомнений (она все-таки не теряла надежды когда-нибудь вернуться в свою прежнюю жизнь). И лишь старалась поддерживать видимость того, что она внимательно слушает «матушку». Однако же и реально запоминать приходилось очень много, дабы не вызывать подозрений у обитателей поместья.

В покоях Леры было похожее убранство, хотя сама комната была гораздо меньшего размера. Но главное, в ней было зеркало со столиком, украшенным красивой инкрустацией, напоминавшим девушке туалетные столики богатых дам более поздних эпох, которые она видела в исторических фильмах. Столик был весь уставлен баночками с кремами, притираниями и бальзамами. А еще на нем стояла шкатулка с украшениями самой Со Хён.

Напротив части дома, образующей «женскую половину», располагался «сэранбан» – комната, принадлежавшая советнику, хозяину дома, и служившая ему спальней, гостиной и кабинетом. И вот в эту-то комнату могли входить только мужчины. В этом же крыле располагались комнаты сыновей советника. Лере было страшно любопытно, что же там, на отцовской, «мужской» половине, и однажды она все-таки прокралась туда, улучив момент, когда госпожа советница отдыхала днем у себя, старая кормилица задремала после обеда, а Ха Юль утащила грязную одежду молодой госпожи прачкам. Поминутно оглядываясь по сторонам, Валерия проскользнула на террасу, ведущую в сэранбан, быстро скинула малиновые шелковые туфельки, вышитые веточками яблони, и, схватив их в руки, юркнула внутрь, с некоторым усилием приоткрыв массивную дверь, сделанную из досок. Оставлять туфельки снаружи было бы величайшей глупостью: их мог увидеть кто угодно – от слуг до младших братьев, которые тоже обитали на «мужской половине», где у каждого была своя комната-опочивальня. Поэтому девушка прихватила «улики» с собой и отправилась исследовать незнакомое пространство.

О том, что будет, если ее застанут на запретной территории, Лера даже и не подумала. Перед глазами ее предстал неширокий коридор, созданный стенами из тонких деревянных планок, образующих решетку и в несколько слоев оклеенных рисовой бумагой. Пока все было очень похоже на «женскую половину». Там так же коридор отделял комнаты обитателей друг от друга, создавая видимость уединения.

Одна дверь была плотно задвинута, и Лера поняла, что, вероятно, за ней и располагаются покои советника, поскольку его не было сейчас в городке.

Девушка бесшумно потянула в сторону решетчатую дверь, затянутую бумагой, и бочком протиснулась в образовавшуюся неширокую щель, облегченно выдохнув про себя: в отличие от настоящей Леры, в ее теперешнем теле девушка была достаточно хрупкой. И не удивительно. Это ей было двадцать пять – вполне себе взрослая девица. А малышка Со Хён едва-едва встретила семнадцатую весну. Ну, вот! – беззвучно хмыкнула девушка. Она уже начала мыслить, как все эти люди! Семнадцать лет! Лет, а не вёсен! – поправила она сама себя. Потом так же бесшумно вернула створку двери на место и с любопытством огляделась.

Просторная комната оказалась обставлена предметами, которые были необходимы в жизни хозяина дома: стол для чтения, книжный шкаф, комод, сейф, ларцы с канцелярскими принадлежностями, квадратные подушки-сидения, подушка под спину.

Бесшумно ступая по теплomu полу мягкими белыми носочками, сшитыми из двух половинок, она прошла по комнате, задумчиво тронула пальцами висящие на специальных петельках кисти для каллиграфии, пробежалась глазами по аккуратно сложенным свиткам рукописей, накрученным на лакированные деревянные палочки, а потом остановилась перед висящим в раме на стене изречением, написанным, очевидно, китайскими иероглифами черной тушью.

Естественно, Лера ничего не смогла прочесть. Да ей и не особенно было интересно знать, что за умная мысль украшала стену покоев «отца».

Что ее, действительно, заинтересовало, так это светильник, стоящий на низком столике с изогнутыми ножками. Он представлял собой затянутый все той же рисовой бумагой каркас в форме параллелепипеда. Бумага была расписана со всех четырех сторон пейзажами, изображавшими то горы, то водопад, то бегущий куда-то ручей. На последней грани красовалась белая цапля, стоящая на одной ноге в воде.

Все рисунки были выполнены настолько тонко и изящно, что Лера, сама очень любившая рисовать в пору отрочества, не могла не восхититься. Она поворачивала лампу то одной, то другой стороной, любуясь мастерски выполненными цветной тушью рисунками.

Внутри корпуса девушка разглядела круглую металлическую чашу: вероятно, в нее наливали масло, а потом поджигали тонкий нитяной фитиль.

От четырех верхних углов каркаса тянулись к центру четыре круглых проволочки, соединяясь между собой и образуя кольцо-петельку. Такую лампу можно было повесить на палку с крючком и нести, освещая себе путь в темноте. Лера видела подобное в многочисленных дорамах.

Наконец, налюбовавшись на прекрасный фонарик, девушка решила, что пора возвращаться на «женскую половину», пока кто-нибудь не застал ее здесь.

Она столь же осторожно высунула нос из приоткрытой двери комнаты «отца» и, не заметив ничего подозрительного, на носочках начала красться к выходу, держа в каждой руке по расшитому тканевому башмачку на жесткой подошве. И в этот момент удача отвернулась от нее.

– Сестра?! – послышался сзади донельзя удивленный ломкий голос подростка.

«Ч-черт!» – прошептала одними губами девушка и, натянув на лицо улыбку, повернулась, успев заметить долговязую фигуру старшего из братьев Со Хён, наследника рода, по имени Шим Джун.

Мальчишка стоял у одной из дверей дальше по коридору, и смуглое лицо его выражало высшую степень изумления.

– О, Джун! – нейтрально произнесла Лера. – Я тут подумала...

– Сестра, что ты здесь делаешь? – мальчишка направился к ней, и девушка прижала башмачки к груди, словно отгораживаясь от подростка.

– Отец обещал мне... – она замялась, лихорадочно соображая, что бы такое придумать, чтобы отвести от себя подозрения брата.

– Что обещал? – не понял тот.

– Показать то мудрое изречение, которое украшает стену его комнаты! – выпалила она, наконец, первое, что пришло на ум.

– Но... отца нет дома... И... зачем ты пришла на нашу половину?

– Мне очень захотелось посмотреть на эту надпись! – опять подчеркнула Лера.

– Раньше ты не интересовалась каллиграфией, сестра, – с подозрением выдал мальчишка.

– Ну... Мне вдруг стало любопытно, – сказала чистую правду девушка.

– Хм... Тебе лучше не задерживаться здесь, пока матушка не проведала об этом...

– Да, точно! – кивнула она и снова расплылась в улыбке. Да еще и ресничками похлопала. – Так что я пойду!.. А ты, Джун, не говори матушке, хорошо? Не хочу, чтобы она бранила меня...

– Да ты сама не проболтайся, – снисходительно усмехнулся подросток.

И Лера, круто развернувшись, умчалась наружу. Там, на деревянном полу террасы она поспешно сунула ноги в белых носочках в башмаки и юркнула в узкий проход между углами двух зданий.

И попала на другой двор – гораздо меньше и скромнее – хозяйственный. Там росло несколько деревьев, создававших относительную тень, а в дальней части каменной ограды, опоясывающей всю территорию усадьбы, Лера заметила небольшую калитку, плотно закрытую изнутри.

«Вероятно, она ведет за пределы поместья», – подумала девушка.

И решила позже поразмыслить над тем, как это может пригодиться ей в дальнейшем. Конечно, то, что Джун заметил ее на «мужской» половине – это нехорошо! Это очень нехо-

рошо! Ей оставалось только надеяться, что брат не будет думать об этой нелогичности в поведении старшей сестры.

Девушка мысленно обругала себя за неосторожность и впредь решила действовать осмотрительнее.

Глава 9

Лера

Она понемногу приравнивалась к реалиям чужой жизни, начала различать лица слуг и домочадцев, и уже запомнила, как зовут младших братьев и крошку-сестричку. Мальчишки все были совершенно разными по характеру и привычкам. Следующий сразу за Со Хён по возрасту Шим Джун уже сейчас, в свои неполные четырнадцать лет, осознавал, что именно он – наследник всего родового богатства, и после кончины отца именно он станет главой семьи Шим. Он ко всему относился вдумчиво и ответственно, знания, вкладываемые в его голову приглашенными из столицы учителями, впитывал как губка, и излюбленным занятием его была каллиграфия.

О том, что он однажды застал старшую сестру на «мужской половине», где ее не должно было быть по определению, подросток, видимо, так никому и не сказал. И девушка гадала – то ли он попросту не придал этому факту должного внимания, то ли умолчал сознательно, не желая подставлять сестру под недовольство матушки.

Между ними как будто возникла некая тайна, которой владели лишь они двое, и которая объединяла их, делая сообщниками. Но как бы то ни было, пока мать не высказывала «дочери» своего недовольства по этому поводу.

Лера потихоньку продолжала исследовать огромный дом советника Шим, членом семьи которого она оказалась не по своей воле. Так, однажды она набрела на настоящую сокровищницу – просторное помещение, которое было отведено под библиотеку. Вдоль стен тут стояли высокие, почти до потолка, стеллажи, на которых были разложены многочисленные свитки, содержащие трактаты по различным областям знаний, исторические труды и многочисленные своды законов.

Она не знала, умела ли читать и писать настоящая Со Хён, но решила, если вдруг это каким-то образом выяснится, то будет упираться на «потерю памяти».

Для Леры же вычурные иероглифы, тщательно выведенные черной тушью, были лишь непонятными значками. Но Шим Джун, похоже, с легкостью разбирался в этих стройных вертикальных столбцах, заполнявших страницу справа налево.

Нередко Лера заставала его в богатой отцовской библиотеке, где, сидя за широким низеньким столом, Джун с усердием выводил иероглифы кистью, обмакнутой в черную тушь, или читал один из свитков, положив его на столик и прижав бока рукописи двумя металлическими брусками.

Как-то она зашла туда и застала наследника читающим один из манускриптов, а когда спросила – что он читает, мальчик поднял на нее полный удивления взгляд и спросил:

– Тебе, правда, это интересно, сестра?

– Да, – подтвердила она, и тогда Шим Джун начал перебирать лежащие на краю стола, беря в руки то один, то другой, и показывая девушке.

– Вот это «Истинные записи правления династии Чосон». Отец разрешил мне читать ее! – в голосе брата прозвучала некая гордость, вызванная доверием отца.

– Ого! – с уважением протянула Лера. – А вот это что? – указала она пальцем в другой свиток.

– А это «Первые упражнения для детей», настольная книга для наследных принцев Чосона, – немного снисходительно пояснил подросток. – Только я ее уже давно прочитал!

– А зачем? Ты ведь не принц, – улыбнулась девушка, стараясь вызвать «брата» на откровенность.

– Нет, конечно, не принц! – хмыкнул он. – Но наша семья служит правителям. Когда я вырасту, мне тоже придется бывать при дворе! А, может быть, даже получу ранг и место в королевском Совете!

– Да-да, братик! Я верю, что так все и будет! – поспешила сказать она.

Однажды госпожа Шим обронила, что через полчаса начнется обед, а сыновья, как обычно, где-то пропадают. Лера в ответ высказала предположение, что Джун может быть в отцовской библиотеке, и «если матушка прикажет, она могла бы пойти и поторопить брата». Хозяйка поместья как-то слишком уж внимательно посмотрела на старшую дочь, но сказала лишь, что, действительно, было бы неплохо, если бы Со Хён нашла брата и передала ему слова матери.

Девушка поклонилась (за это время она уже довольно сносно научилась кланяться матери – отца девушка так еще ни разу и не видела) и пошла в библиотеку, где и увидела там Джуну, занимающегося любимым делом.

Увидев ее, Джун улыбнулся и слегка поклонился:

– Сестрица Со Хён!

– Все пишешь? – поинтересовалась она, заглядывая на свиток тонкой дорогой бумаги, с двух сторон накрученной на деревянные валики, что не позволяло ему сместиться и испортить написанный текст, размазав тушь.

– Да. Сегодня переписываю древний, еще времен Силлы, манускрипт, – охотно ответил подросток. – А ты, сестрица... Что-то хотела?

– Да нет. Просто матушка предупредила, что через полчаса будут подавать обед. Так что ты слишком не засиживайся, а то останешься голодным! – и она улыбнулась, увидев мгновенно сморщившееся лицо мальчишки. – Ладно, я пойду, Джун! Не буду отвлекать тебя!

– Ты и не отвлекаешь, сестрица! Мне приятно, что ты заинтересовалась моими занятиями.

– А разве раньше... не интересовалась? – осторожно спросила Лера.

Мальчик растянул губы в немного виноватой улыбке и отрицательно покачал головой.

– Хм... Что ж, я, пожалуй, пойду, – прокашлялась Лера. – Нужно еще найти братьев. Эти озорники, наверняка, опять убежали на ристалище.

– Они любят наблюдать за тренировками воинов отца, – хохотнул брат.

Лера покивала с улыбкой и, придерживая пальцами слишком длинную чхима, волочившую по полу, вышла из библиотеки.

Джун был прав. Младшие мальчишки – Шим Хви и Шим Гель – росли сорви-головами и озорниками, каких еще поискать! Они вечно затевали какие-то проказы, и госпожа Сун Хын часто выговаривала им, что недостойно отпрысков знатного рода, каким являлся род Шим, вести себя, как нищие деревенские мальчишки.

В такие минуты Лера, если она присутствовала при «словесной порке», едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться, с трудом удерживая серьезное выражение на лице, хотя губы так сами и растягивались в непреодолимом желании разулыбаться: так потешно выглядели мордашки обоих «братцев-кроликов», как про себя называла она младших сыновей господина Шим Она. Они стояли, опустив головы и время от времени синхронно шмыгали носами, выражая полнейшее раскаяние.

Отец обыкновенно пропадал в столице по делам придворной службы: обязанности главного советника короля Тэджона требовали его постоянного присутствия в столице, а перевозить в Ханьян все свое многочисленное семейство он пока не желал, справедливо полагая, что придворные интриги и подковёрная грызня между сановниками и советниками правителя за

его расположение, зачастую заканчивавшаяся открытым противостоянием – отнюдь не самые лучшие условия для взросления детей.

Матушка же, вышедшая из семьи Ан, также имевшей огромное влияние при дворе, как позже постепенно узнала Лера, была настоящей благородной женой, твердо знающей, в чем состоит ее долг перед супругом – растить детей, вести хозяйство и поддерживать мужа. Однако же в отсутствие господина главного советника ей сложно было сладить с двумя живыми и подвижными, как ртуть, сорванцами восьми и десяти лет.

Лера часто думала о том, что хорошо бы мальчишкам уже нанять каких-нибудь учителей, вроде гувернеров, в свое время служивших при мальчишках в домах русских дворян, чтобы эти люди прививали ребятам хорошие манеры и давали необходимые знания. Но она держала свое мнение при себе, справедливо полагая, что из уст семнадцатилетней девчонки подобные мысли будут звучать, по меньшей мере, странно.

Она чувствовала, что слуги и так шепчутся по углам о том, что «после того злополучного паломничества барышня Со Хён стала какой-то странной». Наедине с собой Лера хмыкала – еще бы не быть ей странной, если в теле их юной госпожи невесть каким образом очутилась двадцатипятилетняя попаданка с уже сложившимся мировоззрением. Для нее многие их нравы и обычаи казались дикими и несуразными, и часто девушку подмывало выразить свой протест, несогласие с тем, что происходило в усадьбе лорда Шим Она. Госпожа Сун Хын было строгой, но достаточно справедливой хозяйкой, однако, и она не гнушалась физическими наказаниями провинившихся слуг.

В такие минуты Лера запиралась у себя в покоях (точнее, в покоях Со Хён), чтобы не видеть душераздирающих картин наказания и не слышать жалобных криков слуг, которых пороли вымоченными в соленой воде розгами. Но главный ужас наступал, по мнению Валерии, тогда, когда провинившихся заворачивали в длинные плетеные циновки и били палками.

Но что она могла сделать?.. Это не ее мир и не ее правила. А, как известно, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Девушка еще не теряла надежды вернуться в свой мир, в свой городок, где ее ждала мама. Ведь ждала же? Лера очень хотела верить в это. Единственный близкий ей человек...

Люди, с которыми она жила сейчас, хотя и относились к ней доброжелательно, были все-таки чужими.

И лишь малышка Гё Со, пятилетняя младшая дочь Шим Она, радовала Леру. Она была милая, открытая и ласковая. Тянулась к «старшей сестрице», и Валерия невольно раскрывалась душой навстречу этому маленькому яркому солнышку.

Глава 10

Лера

Оказывается, у дочери советника были две довольно близкие подруги. Это выяснилось на шестой или седьмой день после Лериного возвращения «домой».

В покои молодой госпожи, по обыкновению, осторожноенько поскреблась Ха Юль, и сразу вслед за этим раздался ее голос:

– Барышня, ваша матушка велела передать, что к вам пришли барышни Бо Ра и Ми До! Госпожа зовет вас в комнату для гостей!

Большая комната для приема гостей располагалась, как уже успела запомнить Валерия, во внешнем крыле дома.

Лера бросила быстрый взгляд на нянюшку Хюн Шим, которая сидела в это время с ней рядом и вышивала цветы на новой чхима, которую она готовила для своей юной госпожи. Сама же Лера пыталась делать то же самое – вышивать, но лишь исколола себе все пальцы – вот не её это все-таки было, не её!

– Кто такие Бо Ра и Ми До? – спросила она и, повысив голос, позвала. – Войди, Ха Юль!

Служанка легкой птичкой впорхнула в помещение, привычно поклонившись, а старая кормилица, со вздохом опустив рукоделие на колени, произнесла:

– Ты и их не помнишь, милая?

И, когда Лера отрицательно покачала головой, добавила:

– Это твои подружки, Со Хён! Вы с самого детства дружили с ними. Видно, барышни прознали, что вы попали в переделку, а теперь вот явились, чтобы увидеть все своими глазами.

– И как... я раньше вела себя с ними?

– Как хорошие подружки. Вместе ходили гулять к реке, вместе покупали себе всякие женские штучки – украшения, ленты, заколки... – охотно ответила старая женщина.

– Понятно, – протянула Лера.

– Барышня, так вы пойдете? – напомнила о себе Ха Юль.

– Да, конечно! Посмотри, у меня все в порядке с прической?

– Вы красавица, моя госпожа, – восторженно выдохнула девчонка.

Лера, отложив на низкий столик рукоделие, поднялась и, поправив юбку, направилась к двери. Но тут же остановилась:

– Погодите! А как я узнаю – кто из них кто?

– А, ну это просто! – затараторила Ха Юль. – Барышня Бо Ра повыше и... – она запнулась на мгновение, но тут же нашлась. – Постройнее! А барышня Ми До...

– А она, значит, – вторая! – прервала ее Лера. – Всё! Идем!

Девушки прошли через целую череду коридоров и очутились в просторном помещении, где обычно принимали гостей. Там, и правда, сидела госпожа Сун Хын, а напротив нее, на подушечках для сидения – две нарядных совсем молоденьких девушки, перед каждой из которых стояло по низкому круглому столику, на котором стояли приборы для чаепития.

Увидев входящую Леру, девушки расплылись в улыбки:

– Со Хён! Ты пришла!

– Ха Юль, принеси сюда еще один столик для твоей госпожи, – распорядилась старшая хозяйка. – И чай, конечно!

Служанка быстро метнулась выполнять приказ госпожи, а Лера уселась на одну из плоских подушек для сидения, лежавших на теплом полу, и посмотрела на гостей.

– Девушки! Как поживаете?

А про себя подумала: «Блин! И вот как я могу определить, кто из них выше, если обе сидят?!»

Но подружки сами помогли ей с выбором.

Одна из них, круглолицая, большеглазая, с темными ровными бровями и капризным ротиком, зашебетала:

– А мы с Бо Ра решили навестить тебя! Так это правда, что на тебя напали в том лесу? Ужас! Что творится в Ёнджу! Разбойники совсем распоясались! – округлила она темно-карие глаза и даже всплеснула руками, но тут же спохватилась и, виновато посмотрев на хозяйку дома, поклонилась. – Ой, простите, госпожа!

– Ничего, Ми До! И ты права! Разбойники творят бесчинства, нападая на благородных господ, а магистрат ничего не предпринимает! – осуждающе поджала она губы.

А вторая девушка сказала:

– Хорошо, что нашу Со Хён спасли! Теперь я буду и по городу бояться ходить без охраны, – передернула она плечиком, обтянутым дорогим шелком нежно-розовой чогори.

– Но разве в городе опасно? – осторожно спросила Лера.

– Теперь по улицам какой только сброд не ходит! – уверенно ответила Бо Ра, а Ми До подхватила. – Я предпочитаю теперь передвигаться только в паланкине!

Лера ничего не ответила на это, наблюдая за тем, как в комнату вошли две служанки со столиком и подносом, на котором стояло все, необходимое для чаепития.

За ними следом шагала Ха Юль, торжественно несшая фарфоровый пузатый чайничек с уже готовым чаем. По воздуху поплыл приятный аромат жасмина.

Служанки споро усталили столик приборами и с поклонами удалились.

А женщины принялись неспешно потягивать из крошечных круглых чашечек ароматный напиток и изящно брать пальцами сладости из красивых пиалок.

– А что, девушки, – обратилась к гостям госпожа советница, – ваши матери не собираются навестить меня?

– Ой, моя матушка сейчас готовится ко дню рождения отца. В доме будет большой праздник! Вас с господином советником, конечно, тоже пригласят! – воскликнула Бо Ра.

Ми До только улыбнулась и пожала плечами.

– Да, но мой супруг все занят делами государя нашего, его величества Тэджона, – сделала постную мину мать.

– Да-да, – понимающе покивала Бо Ра. – Мой отец тоже много времени проводит на службе!

Лера не знала, о чем можно говорить с этими совершенно ей не знакомыми девочками, а потому промолвила:

– Матушка, сегодня такая хорошая погода! Вы позволите нам с девушками прогуляться вдоль реки?

– Да, госпожа, позвольте Со Хён выйти с нами! – заговорили одновременно гости.

– Что ж, поскольку вас будет трое, думаю, никакой опасности вас не подстерегает. Но, дочь моя, возьми с собой и Ха Юль. Пусть сопровождает вас!

На том и порешили. И девушки, поблагодарив хозяйку за чай, заторопили подругу. Лера побежала переодеваться, и вскоре четыре девушки вышли из широких ворот усадьбы советника Шим Она.

В этот раз они прогулялись по городу, причем подружки, не переставая, щебетали о том, о сем, а потом Ми До, хитро прищурившись, сообщила девушкам, как величайший секрет, новость о том, что к ним в дом приходили родственники молодого красавчика Ким Ю Гыма, и ее – Ми До – сосватали за него. Лера сделала вид, что очень рада за подругу, хотя понятия не имела, кто же такой этот «красавчик Ким Ю Гым». Бо Ра же, кажется, радовалась совершенно искренне.

Они неторопливо шли по дорожке, ведущей вдоль берега реки, и наслаждались теплой погодой, солнышком, ласково сиявшим с небес, а молодые щеголи обгоняли их и оглядывались на богато разодетых красавиц. Лера каждый раз хмыкала про себя, сохраняя невозмутимое выражение на лице: во всех мирах то, что касалось отношений полов, мало различалось между собой. Молодые чеболи были, конечно, хороши, и, вероятно, семнадцатилетняя Со Хён была бы рада этим знакам внимания. Валерия же, с высоты своего истинного возраста, только мысленно посмеивалась.

Лишь однажды ей вдруг показалось, будто чей-то острый взгляд остановился на ее лице. У нее реально возникло ощущение прикосновения к коже, но когда Лера стала озираться вокруг, пытаясь понять, кто смотрел на нее, то ничего не заметила – горожане вышагивали по улице по своим делам, и казалось, никому не было дела до четырех юных девушек, изящно прогуливающих под ласковыми лучами полуденного солнышка.

Подруги заметили ее беспокойство, и Бо Ра спросила:

– Что такое, Со Хён? Ты кого-то увидела?

– Нет-нет, – поспешила успокоить ее Лера. – Просто смотрю вокруг!

Подруги с легкостью приняли это ее объяснение, но еще пару раз ощущение чьего-то взгляда посещало девушку. Правда, теперь она уже старалась не крутить головой, выискивая таинственного наблюдателя.

А вскоре Ми До и Бо Ра заторопились домой, и девушки распрощались.

Лера с Ха Юль тоже поспешила в поместье советника: все же непонятное внимание незнакомца (или незнакомцев) беспокоило ее, и девушка предпочла укрыться за надежными высокими воротами, охраняемыми воинами, которые служили королевскому советнику.

Глава 11

Так шли дни за днями, и постепенно она стала привыкать к новому укладу жизни, к новой внешности и новым, незнакомым ей прежде привычкам. Но однажды душевное равновесие было вновь грубо нарушено странным событием.

В покоях Леры стоял дорогой туалетный столик, привезенный чинскими купцами и за огромную сумму приобретенный советником Шим Оном для своей старшей дочери. Столешница из драгоценных пород дерева опиралась на две тумбы, в каждой из которых располагались по три выдвигаемых ящичка, украшенных инкрустацией. Но самое главное – столик этот был соединен с довольно большим зеркалом, в котором можно было с легкостью разглядеть себя, хотя стекло было не самого высокого качества, немного мутноватым, как на взгляд Валерии, однако же, каждый раз глядя в него, Лера видела отражение юной миловидной азиатки с большими раскосыми глазами, розовыми губами бантиком и аккуратным носиком. И темными, как самая безлунная ночь, волосами цвета воронова крыла – длинными и густыми.

Ухода за ними было много, и, наверное, у самой Леры не хватило бы терпения расчесывать их редким костяным гребнем с выточенными по вершине цветочными узорами. Но верная Ха Юль, с которой, как поняла из разговоров Лера, Со Хён росла с детства, готова была заниматься часами прической своей госпожи.

Как постепенно разобралась девушка с эталонами красоты здешнего общества, она считалась настоящей красавицей.

Однако взрослая, двадцатипятилетняя Лера Власова безумно скучала по своему конопатому зеленоглазому лицу и рыжим локонам. Она, конечно, предпочла бы свою родную внешность, да только кто ж ее спросит?..

Но девушка примечала, как воины из охраны поместья, служившие советнику Шим Ону, бросали на нее взгляды, полные чисто мужского интереса.

Особенно же отличился в этом один молодой стражник. Позже девушка узнала, что его звали Бён Хёк. Он был довольно симпатичным, с широкими плечами и сильными руками от постоянных тренировок с мечом. Командир охраны, обеспечивавшей безопасность богатого поместья Шим Она, не давал расслабляться своим подчиненным и гонял их на тренировках, что называется, «и в хвост, и в гриву».

Любопытная натура Леры не давала ей покоя, и однажды, исследуя территорию поместья, она оказалась на тренировочном полигоне, как девушка окрестила про себя просторную, утоптанную до каменной твердости площадку довольно далеко от господских зданий.

Там как раз шла очередная тренировка. Воины занимались спаррингом на мечах, проводя тренировочный бой. Лера увидела неподалеку от площадки лучащиеся восторгом мордашки младших братьев, прятаясь за стволами раскидистых сливовых деревьев, и понимающе хмыкнула: озорники опять удрали из-под присмотра взрослых и, затаив дыхание, наблюдали, как взрослые сильные мужчины отрабатывали приемы боя. Над площадкой раздавался звон мечей, слышалось шумное дыхание воинов, крики, сопровождавшие особенно удачные удары тренирующихся. Лера незаметно для малышей подошла к ним со спины, так что ни один, ни второй до поры, до времени ничего не замечали, а потом негромко сказала:

– А матушка в курсе, что вы здесь?

Мальчишки синхронно взвизгнули от неожиданности и присели на корточки, пытаясь таким образом спрятаться от старшей сестры. Но было уже поздно. Лера строго сказала:

– Разве вам можно тут находиться? Матушка будет недовольна!

– А ты сама-то, сестрица! – огрызнулся старший, Шим Хви. – Девушкам тоже нельзя сюда приходить!

– Это почему же? – усмехнулась Лера.

– Потому что тренировки с оружием – это не женское дело! – убежденно ответил мальчишка.

– А если мне будет грозить опасность?

– Для этого есть мы, мужчины! – гордо произнес младший, восьмилетний Шим Гель, и девушка расхохоталась – так потешно прозвучала эта фраза в устах малыша.

Ее звонкий смех не остался незамеченным – головы воинов начали поворачиваться в их сторону, и Лера, досадливо прикусив нижнюю губу, заметила, что начальник охраны, командир Дон Гиль, слегка нахмурился и, оставив своих подчиненных, направился к ним:

– Барышня Со Хён?! Что привело вас сюда?

– Да вот, братья опять сбежали сюда, я искала их и, ожидаемо, нашла тут, – как можно более непринужденно ответила она, замечая, что воины охраны невольно прислушиваются к ее словам, продолжая, однако же, свой тренировочный бой. Ближе всех к краю площадки находились как раз Бён Хёк и еще один воин, имени которого Лера так и не запомнила. Бён Хёк откровенно посматривал в ее сторону, не забывая, тем не менее, отбивать быстрые удары своего соперника. Ей даже показалось, что молодой воин красуется перед ней, показывая свое мастерство владения мечом.

Лера неосознанно провела ладонями по чхима, расправляя несуществующие складочки, и снова заговорила:

– Я забираю братьев, командир Дон Гиль. Попрошу слуг, чтобы они внимательнее следили за мальчиками, – и она настойчиво взяла малышкой за маленькие ладошки, крепко удерживая их в своих пальцах.

– Вы удивительно разумная девушка, юная госпожа, – слегка склонил голову в поклоне командир. – Вашему супругу очень повезет с такой женой, как вы!

– Супругу?! – слегка повысила голос она. – Но у меня еще и жениха нет! Какой супруг?!

Девушка недовольно дернула плечиком, укрытым бледно-розовым шелком чогори: уж точно не дело бравого охранника рассуждать о том, кому и когда она достанется в жены!

Сама-то Лера совершенно определенно не собиралась в ближайшее время выходить замуж непонятно за кого.

И, видимо, командир Дон Гиль почувствовал эту перемену в ее настроении, потому что отступил на шаг, освобождая ей дорогу, и Лера решительно повела обоих мальчишек в сторону господского дома.

И снова, пожившись, вспомнила взгляды, которые бросал на нее молодой Бён Хёк.

Ее, если честно, это совсем не задевало. Лишь один человек как-то волновал ее сердце. Тот, который спас ее. И лица которого она так ни разу и не увидела.

Однако же, жизнь вскоре подбросила ей еще один шанс.

Глава 12

Лера

Однажды вечером, уже отпустив Ха Юль, помогавшую ей переодеться в белый шелковый ночной ханбок, Лера задержалась перед туалетным столиком, задумчиво глядя на отражение юной девушки с заплетенными в простую свободную косу волосами, уже без лишних заколок и иных украшений. Фонарь, помещенный в прямоугольный корпус из тонких деревянных планок, обтянутых промасленной бумагой, и стоявший на столике слева, освещал ровным, мягким светом ее фигуру, сидящую на невысокой удобной скамеечке, с обтянутым мягкой тканью и набитым шерстью сиденьем. Лера думала о том, как круто переменилась ее судьба, забросив

в этот чужой мир. Сможет ли она когда-нибудь вернуться на родину, к своей маме? Или обречена так и прожить всю жизнь тут? Никто не мог ответить на ее вопрос.

Лера так глубоко погрузилась в свои мысли, что взгляд ее слегка расфокусировался. И в какой-то миг она почувствовала, что ей показалось, будто зеркальная поверхность на мгновение дрогнула и пошла рябью.

Девушка моргнула и вскрикнула от неожиданности: из зеркала в резной нефритовой раме на нее смотрела она сама! Лера Власова, какой она когда-то была – рыжая и зеленоглазая, с европейскими чертами лица и покрытой веснушками нежно-золотистой кожей. Но облик девушки выглядел как-то странно, словно был полупрозрачным.

Валерии показалось, что весь воздух из легких кто-то выбил сильным ударом кулака, и она широко раскрыла рот, стараясь вдохнуть. Однако девушка в отражении не повторила ее жеста. Она протянула вперед обе ладони и, казалось, положила их на стеклянную поверхность, стараясь дотянуться до своей визави.

Лера отчетливо увидела на левой ладони старый шрам – когда-то давно, еще в детстве, она слетела с велосипеда, съезжая на полной скорости с горы, и пропоролла ладошку острым камнем, неведь откуда взявшимся на дороге. Маме пришлось тогда везти ее с приемный покой хирургического отделения городской больницы, где пожилой усатый хирург наложил ей несколько швов, стягивая рваные края глубокой длинной раны.

Рана эта заживала долго, неохотно, навсегда оставив после себя длинный извилистый шрам, пересекавший все три линии – линию жизни, линию судьбы и линию сердца, по-другому называемую линией любви.

И сейчас Лера неосознанно потянулась к этим таким знакомым, родным ладоням, с украшенными привычным маникюром с гель-лаком ногтями. Потянулась и прижала к зеркалу, сейчас словно бы превратившемся в прозрачное стекло, ладони, совмещая их с руками девушки в отражении. За спиной Со Хён (а это была именно она – Лера почему-то сразу безоговорочно поверила в это) она разглядела интерьер незнакомого помещения – белый кафель до середины стены, а выше – простая известковая побелка. В дальнем углу притулилась простая белая раковина. Больше в полупустом помещении ничего не было.

«Где это она?» – мелькнула в голове Валерии мысль, но тотчас же исчезла. Потому что «та» она что-то начала говорить, но, естественно, ни звука Валерия не услышала, лишь с отчаянием видела, как шевелятся губы девушки напротив.

– Что? Что ты хочешь мне сказать? – шепотом закричала она, пытаясь поговорить с Со Хён. Но та по-прежнему беззвучно шевелила губами, произнося неслышные слова.

А затем изображение рыжей девушки с зелеными, как молодая трава, глазами, подёрнулось рябью, поплыло, и вот уже из глубины зеркала на нее вновь смотрит юная кореянка Со Хён.

Лера в бессилии ударила кулаком по столешнице и всхлинула, почувствовав, как по щекам потекли слезы. Она попыталась вытереть их тыльной стороной ладони, но еще больше расстроилась и вскоре плакала уже в голос, стараясь только не шуметь слишком, чтобы не разбудить спящую в крошечной каморке по соседству с ее покоями Ха Юль. Девушка зажала рот обеими руками и тихо всхлипывала, вновь испытывая горечь утраты привычной жизни.

«Значит, мы просто поменялись местами с настоящей Со Хён, – подумала она, жалея и себя, и эту юную неискушенную девочку то ли из далекого прошлого, то ли из какого-то параллельного мира. – Как же она там, бедняжка?! Если мне, взрослой девице, так непросто тут, то что уж говорить о ней? Совсем ведь еще девчонка!..»

И ей стало еще горше от мысли о том, что обе они оказались игрушками в руках кого-то могущественного и совершенно бездушного, для кого подобные игры людскими жизнями – лишь развлечение...

Лера оплакивала крушение своей привычной жизни, понимание того, что она вряд ли сможет вернуться домой и продолжить жить своей жизнью – ходить на работу в книжный магазин, смотреть дорамы на ноутбуке и с аппетитом есть приготовленный мамой любимый борщ с чесноком. Девушка уже отвернулась от зеркала и теперь сидела вполоборота к нему, уткнувшись лицом в мокрые от слез ладони. Тихие всхлипывания раздавались в тишине комнаты, и чуткий слух Ха Юль уловил их.

Неожиданно для Леры служанка с сонным лицом и растрепавшейся во сне косой появилась на пороге ее покоев и изумленно уставилась на свою госпожу.

– Барышня... – растерянно произнесла она.

Лера вздрогнула и отняла руки от заплаканного лица. Взгляду служанки предстали покрасневшие глаза и опухший носик ее юной хозяйки.

Ха Юль всплеснула руками и кинулась к девушке:

– Барышня Со Хён! Да что случилось? Почему вы не спите? Кто обидел вас, моя госпожа? – посыпались, как горох из решета, вопросы.

Но Лера лишь покачала головой, вытирая запястьем глаза. Шмыгнула, зажав между большим и указательным пальцем носик, и только потом произнесла несколько сиплым от плача голосом:

– Нет, ничего... Зачем ты встала, Ха Юль?..

– О боги! Барышня, пойдете, я провожу вас в постель! Да что ж такое! – продолжала причитать она, а сама, между тем, мягко, но настойчиво увлекла Леру в опочивальню, где уже ждала ее приготовленная мягкая постель. Девушка покорно позволила уложить себя – от всех переживаний она, и впрямь, почувствовала усталость.

Ха Юль заботливо накрыла ее пышным легким одеялом, сшитым из яркого шелка и набитым и простежанным хорошо промытой и вычесанной овечьей шерстью. Повздохала, еще какое-то время посидев с госпожой. А после того, как веки девушки смежились, и дыхание стало тихим и размеренным, сбегала в отхожее место и вернулась в свою каморку.

Последнее время она порой не понимала свою госпожу – так сильно та изменилась после злосчастного нападения разбойников.

Глава 13

Лера

Уже прожив более двух недель в родительском доме (Лера теперь даже про себя называла так богатое поместье семьи Шим), девушка однажды в сопровождении своей личной служанки – такой же молоденькой, как и Со Хён, Ха Юль – отправилась на прогулку, намереваясь походить по городскому рынку. Она шла, с любопытством разглядывая торговые ряды, пестрые палатки торговцев самым разнообразным товаром, громко зазывающих покупателей в свои лавки. Служанка шагала чуть позади, соблюдая дистанцию.

Как вдруг кто-то резко дернул Леру за руку, увлекая в узкий проход между рядами, и прижал к себе со спины. Девушка забилась, отчаянно вырываясь из захвата, хотела закричать, чтобы просто позвать на помощь – ведь белый день же на дворе, а тут такое творится! – но тотчас же горячая и сухая ладонь накрыла ее губы, не позволяя вырваться крику наружу, а вторая рука, обтянутая черным рукавом, до самого локтя крест-накрест перетянутым узкими кожаными ремешками, обхватила тело, с силой зажимая руки, и крепко притиснула спиной к твердой груди. А потом знакомый голос еле слышно прошептал в самое ухо, щекоча нежную раковину, не закрывающую туго заплетенными волосами:

– Тише, не бойся! Я не причиню вреда. Просто выслушай!

Девушка послушно замерла, расширив глаза, косясь в сторону, словно испуганная лошадь, стараясь разглядеть собеседника. Грудь ее бешено вздымалась от испытанных эмоций. А мужчина уже говорил:

– Нужно на время остаться здесь. Ты наверняка не заметила, но за тобой уже некоторое время следуют двое. Убийцы из клана наёмников. Если я отпущу руку – не закричишь? Если поняла – просто кивни.

Девушка тут же энергично закивала, и теплая ладонь, пахнувшая кожей конской упряжи и еще немного металлом – исчезла с ее лица. Лера хотела повернуться, чтобы заглянуть в лицо своему спасителю, однако он мягко, но твердо придержал ее за плечи:

– Не нужно! Стой так! – в голосе его послышалась улыбка. И Лере еще больше захотелось увидеть лицо мужчины.

– Почему ты мне помогаешь? – вполголоса, но требовательно спросила она.

– Мне вот интересно, кому ты могла так насолить, юная госпожа, что по твоему следу направили наёмников? – задал он встречный вопрос. – И куда смотрят твои благородные родители (это прозвучало с видимым сарказмом), отпуская дочь одну в город? Их ничему не научили прошлые события?

– Не знаю! – дернула она плечом, и ладони мужчины скользнули вниз, на предплечья. – Откуда знаешь, что те двое были из клана убийц-наемников? Может, ты и сам оттуда?

– Хм! – отозвался он, все так же склоняясь к ее ушку. – Если бы это было так, как ты говоришь, сейчас мы не стояли бы с тобой тут, девочка!

– Отпусти! – снова дернулась она. – Служанка меня теперь потеряла!

– Ступай домой, маленькая госпожа! Я прослежу, чтобы вы со служанкой добрались без особых препятствий.

– Как?! – насмешливо бросила Лера. – Будешь идти за нами? Не боишься, что увижу твое лицо, разбойник?

– Тогда мне придется убить тебя, маленькая госпожа. Ты слишком догадливая, – вкрадчиво произнес он, почти касаясь губами раковины ушка. И вдруг втянул носом воздух рядом с ее макушкой – словно вдыхал аромат ее волос.

Лера вздрогнула от этого мимолётного прикосновения и отпрянула от широкой мужской груди.

– Не поворачивайся, девочка! – в его голосе послышалась улыбка. – Ступай прямо вперед и не оглядывайся!

– Не командуй мной! – огрызнулась она. – Я не твои разбойники!

– А ты не дерзи мне! – как-то даже лениво ответил он и легонько подтолкнул ее ладонью в спину вперед. – Поспешите же, пока те двое не опомнились и не бросились искать тебя!

Лера не стала дожидаться дополнительной команды и выскользнула из тупичка, в котором все это время они таились.

Служанка вскоре догнала ее и запричитала:

– Госпожа моя! Ну, куда же вы пропали? Ваша матушка голову мне снимет!

– Не кричи, Ха Юль, – устало прервала девушку она и скомандовала. – Идем домой!

– А... Покупать ничего не будем, госпожа?

– В следующий раз! Я передумала! Идем скорее... – и быстрым шагом направилась по уже знакомым улицам в сторону дома семьи Шим.

Ха Юль засемила вслед за молодой госпожой.

Несколько раз Лера оглядывалась назад, пытаясь угадать в людях, одетых в черную одежду, своего «знакового незнакомца», но все шагали по своим делам, не обращая на молодую аристократку совершенно никакого внимания.

«Вот же интриган! – ворчала про себя она в адрес разбойника. – Опять не увидела его лица! Да ладно тебе, Лер! Может, он страшен, как Квазимодо! А ты напридумывала себе невесту чего! Дуреха! Тебе ведь не семнадцать лет, как этой глупышке Со Хён... Нечего грезить наяву о мужчине, лица которого ты так ни разу и не видела! Между вами пропасть в целую уйму лет!»

С такими мыслями девушка незаметно добралась домой, где госпожа Сун Хын попеняла ей со всей строгостью, что дочь ушла без сопровождения стражников. А потом еще и нянюшка Хюн Шим долго охала в покоях молодой госпожи, что не пристало девушке из знатного рода убегать в город без сопровождения слуг и стражников, а потом строго выговаривала красной, как рак, Ха Юль, что если та не желает быть наказанной госпожой хозяйкой, лучше бы ей усмирить свою прыть и вести себя, как полагается послушной служанке. Лера же, чтобы отвести грозу от верной наперсницы всех ее вылазок в город, подольстилась к кормилице и, целуя ее в морщинистую щеку и обнимая за полные плечи, нежно пропела:

– Нянюшка, милая! Но мы же очень осторожны! Мы гуляем только по центральным улицам. Там вполне безопасно! Мы не сует носа на окраины!

– Ах, егоза! – погрозила ей пальцем женщина, в свою очередь, погладив девушку по спине. – Совсем взрослая ты становишься! Вот уже и в отчем доме тебе тесно становится – все норовишь выбраться в большой мир! Раньше тебе достаточно было родной усадьбы, а теперь – недостаточно просто прогуляться по двору, посидеть в беседке или полюбоваться цветами... – и она покачала седой головой, подперев щеку ладонью. – Ох, если госпожа узнает, что вы с Ха Юль тайком покидаете дом – несдобровать и мне, и вам!

Лера похолодела, испугавшись, что ее могут раскрыть – видно, юная Со Хён была куда более послушной и безропотной девочкой, чем любознательная Валерия.

И она поспешила задать вопрос:

– Нянюшка, но зачем кому-то, пусть даже и матушке, знать о том, что мы ненадолго уходим в город? Мы же ничего дурного не делаем! Просто гуляем!

– Вы-то, может, ничего дурного не делаете, но на свете так много дурных людей! А случись с вами что – и господа нас не помилуют! Да и воинам батюшки вашего достанется по первое число, за то, что не уберегли его дочь!

– Нянюшка Хюн Шим, ну, не могу я целыми днями безвылазно сидеть дома! – простонала Лера.

И это была чистая правда. Она и дома-то постоянно где-то бывала – то на работе, то ездила – в редкие выходные – в городской прибрежный парк, то просто бродила по улицам городка в хорошую погоду. Но это опять же – когда у нее случался выходной.

В конце концов, она уговорила кормилицу иногда покрывать ее вылазки из дома перед матерью, хотя это и было непросто.

После случая с нападением на старшую дочь госпожа Сун Хын тряслась над ней, как над величайшей драгоценностью. И где-то Лера даже понимала чувства матери. Но и безвылазно сидеть в поместье, занимаясь женским рукоделием, к которому у нее совершенно не было никакого рвения, девушка не стремилась. Гораздо охотнее она выбиралась из дома, гуляя по улицам Ёнджу и наблюдая за жизнью горожан. Через город протекала река, названия которой Лера так и не узнала (все называли ее просто «Река»). Берега ее поросли высокими старыми деревьями, создающими в жаркие дни приятную тень, и были испещрены многочисленными тропками, по которым горожане спешили по делам, а то и просто гуляли, любуясь величаво и плавно текущей водой.

Однажды вечно болтающая во время одевания своей госпожи Ха Юль вскользь упомянула, что скоро наступит праздник фонариков, и когда Лера спросила у нее, что за праздник, девушка осеклась и захлопала ресницами, уставившись на молодую хозяйку.

– Что?! – спросила Валерия. – Я и это забыла. Так что расскажи мне, что это за праздник фонарей?

– Не фонарей, а фонариков, барышня Со Хён, – терпеливо поправила служанка. – Как же! Это ведь когда все зажигают маленькие фонарики и, загадав желание, отправляют их по течению Реки.

– Зачем? – не поняла Лера.

– Ну-у-у... – протянула Ха Юль. – Говорят, если фонарик не перевернется и уплывет к самому морю – желание исполнится...

– И что – ты загадывала? – обронила Лера.

– Конечно, барышня! А как же! – с жаром ответила служанка, осторожно прикрепляя к волосам на висках госпожи две золотые заколки-зажима, украшенные драгоценными камушками в виде лепестков цветов, мастерски закрепленных на витых проволочках-пружинках и приходящих в движение даже от легкого поворота головы.

– И что? Желание исполнилось? – не отставала девушка, приходя в некий азарт: новая мысль рождалась в ее голове, не обрета пока четкую словесную форму.

– Ну... Пока нет... – понурилась Ха Юль, но тут же вновь заблестела темно-карими глазами. – Но я хочу нынче снова пойти к реке...

– А где вы берете фонарики для этого?

– А! Ну, так их же в этот вечер продают многие торговцы прямо на берегу, – с готовностью пояснила девчонка.

– А я? Я раньше пускала фонарики по Реке? – задержав на миг дыхание, спросила Лера.

– Нет, что вы, барышня! – замахала обеими руками служанка. – Наша госпожа, ваша матушка, не позволяла вам. Она считает, что это – для простолюдинов. А благородным господам «не пристало заниматься подобной ерундой», – явно скопировав интонацию хозяйки, произнесла служанка.

– Так когда, говоришь, этот праздник фонариков? – задумчиво спросила Лера.

– Да вот уже через два дня, – не задумываясь, ответила Ха Юль и вдруг ахнула, зажав себе рот ладонью. Посмотрела на Леру в отражении в зеркале расширенными глазами. – Барышня, неужели вы...

– Тсс! – быстро поднесла палец к губам та. – Не произноси вслух!

– Но как же... – жалобно протянула служанка. – Госпожа Сун Хын приедет меня...

– А ты тут при чем? – насмешливо оборвала ее девушка. – Я сама решила пойти на берег и запустить фонарик. Ну, ты поняла? Я. Сама. – Она произнесла отдельно каждое слово, пристально глядя в круглые глаза служанки. – Тебе ведь вовсе не обязательно идти со мной туда!

– Тогда госпожа точно прикажет побить меня палками на заднем дворе... – обреченно пробормотала Ха Юль.

А Лера, порывисто обернувшись, схватила кисть служанки и прижала к своей груди.

– Нет, Ха Юль! Мы все сделаем очень осторожно. Никто и не узнает! Быстренько сбегаем на берег и так же быстро вернемся. Просто ты хорошо знаешь, куда нужно идти! А я могу и заблудиться... Пожалуйста, Ха Юль, милая, хорошая! Не отказывайся! Мне очень нужно это сделать!

– Вы... хотите загадать желание? – неуверенно спросила служанка, переводя взгляд испуганных глаз то на лицо госпожи, то на свою руку, которую та все так же прижимала к себе.

Служанке было очень неловко. Она боялась наказания старшей госпожи и подозревала, что наказание это будет очень суровым, если она вместе с молодой барышней сбежит вечером из имения. Ведь запускать фонарики принято было уже в темноте – так свет их колеблющихся огоньков был виден еще долго, освещая водную гладь и превращая реку в волшебную сверкающую ленту.

Но Лера уже решила, и теперь нужно было только уговорить Ха Юль. Хоть и с небольшими усилиями, но ей удалось склонить девчонку на свою сторону и взять с нее обещание проводить к реке.

– Я куплю тебе фонарик, Ха Юль, слышишь? И ты тоже сможешь загадать желание. И кто знает, может в этот раз оно точно сбудется, – заговорщически подмигнула ей девушка.

Та только вздохнула и поклонилась:

- Ну, если вы настаиваете, госпожа...
- Да, я настаиваю, – как можно более твердо произнесла Валерия, мысленно аплодируя себе.
- Только... Барышня Со Хён... Нам нужно будет незаметно выскользнуть из дома... Чтобы кормилица Хюн Шим не поймала нас... Иначе...
- Конечно, – кивнула она.
- И вам... Нельзя идти в своей одежде...
- Почему? Ах, да! Нельзя, чтобы меня кто-нибудь узнал, – догадалась Лера. – Одолжишь мне свой ханбок, Ха Юль?
- Ох, барышня! Разве пристало вам...
- А почему нет? Просто на время мы с тобой обе превратимся в двух простых девчонок, пришедших на праздник фонариков, чтобы загадать желания.
- Хорошо, – слегка запнулась служанка. – Я дам вам самый лучший свой ханбок!
- Не обязательно! Достаточно того, чтобы он был чистый...
- Конечно! Это само собой! – с жаром воскликнула Ха Юль.

Глава 14

Лера

Два дня пролетели незаметно. И вот уже наступил вечер того самого, когда можно было загадывать желания и пускать фонарики вниз по течению.

Две заговорщицы весь день вели себя ниже травы, тише воды, а когда для господ закончился ужин, Лера, как послушная дочь, низко поклонилась матери и, пожелав ей спокойной ночи, отправилась к себе.

Нянюшке в этот раз решили не говорить, что собираются покинуть поместье советника Шим Он. Лера, конечно, понимала, что в случае, если с ними что-то случится, полетят головы многих слуг и воинов. Но сказать кормилице, что две юные девчонки, одна из которых – дочь важного аристократа, хотят убежать вечером, в темноте, без слуг и охраны, на берег реки – это сто процентно доложить госпоже Ан об их выходке. А тогда – прощай, праздник фонариков! И большой удачей будет, если её вообще разгневанная мать не запрет в покоях, не позволяя выходить даже во двор.

Допустить этого Лера никак не могла. Ей все казалось, что вот-вот она найдет выход, способ вернуться домой, к своей маме, в свой город, в свою жизнь. И выход этот – не в поместье, а где-то снаружи, на улицах Ёнджу. Наверное, поэтому ее с такой силой и влекло на городские улицы.

В покоях ее уже ждала верная Ха Юль. В ее каморке была припрятана одежда для обеих девушек. И, дождавшись, когда в доме наступит относительная тишина, они облачились в простые серые с коричневым ханбоки, которые обычно носили простолюдинки, Лера сняла с себя все богатые украшения, оставив лишь ленту, удерживающую косу, спрятала в складках чхима небольшой мешочек с мелкими монетами (чтобы можно было расплатиться с торговцами за фонарики), завязала с помощью служанки на щиколотках плетеные не то сандалии, не то какие-то лапти (Ха Юль назвала их «митхури»), и девушки, осторожничая, пробрались к задней калитке, через которую обычно ходили слуги.

В какой-то момент им пришлось замереть в густой тени у стены дома, когда неподалеку прошли воины охраны, вооруженные мечами – они как раз обходили дозором территорию поместья, чтобы убедиться, что в большом имении королевского советника всё спокойно. Затаив дыхание, девушки ждали, когда стражники пройдут мимо, и, лишь когда те, спокойно переговариваясь между собой, удалились на достаточное расстояние, нарушительницы юркими мышками скользнули к заветной калитке. Выбравшись на улицу, они, держась

глубокой тени, удалились от имения на безопасное расстояние, а уже потом пошли более открыто, направляясь в сторону реки.

Лера удивилась, что в столь поздний час на берегу было так много горожан. Простолудины и аристократы ходили по тропинкам тут и там, спускались к самой реке и осторожно опускали на поверхность воды горящие фонарики на крошечных плоских плотиках. Те сразу же начинали скользить по водной глади, освещая все русло. И это смотрелось безумно красиво и сказочно.

Луна уже поднялась высоко в черном небе, и бледный свет ее озарял и берег, и само русло реки, заливая воду серебристым сиянием и делая происходящее просто нереально волшебным.

Лера остановилась, залюбовавшись прекрасным зрелищем, но Ха Юль тронула ее за рукав, привлекая внимание, и тихо произнесла:

– Барышня Со Хён, давайте купим фонарики у торговцев...

– А? – очнулась от грез Валерия. – Да-да, конечно, давай! Веди к этим торговцам! Ты же знаешь, где они обычно стоят?

– Конечно, барышня! Идите за мной! – и уверенно повела ее по тропинке в одну из городских аллей неподалёку.

Вскоре они вышли на хорошо освещенную небольшую площадь, где располагались торговцы со своим товаром.

Там были самые разнообразные фонарики – разного размера и всех цветов радуги, но больше всего было почему-то красных. Видимо, именно этот цвет считался символом удачи и исполнения желаний и воспринимался как радостный, праздничный.

Когда-то давно, еще в той, прежней своей жизни, работая в книжном магазине, Лера случайно открыла книгу по цветовосприятию, прельстившись броским названием, и, листая страницы, наткнулась на утверждение автора о том, что из всех цветов спектра красный цвет вызывает наиболее сильную физиологическую реакцию – учащение сердцебиения. Красный цвет не позволит вам пройти мимо, он сразу же притягивает внимание и управляет ситуацией. В природе красный цвет – это цвет изобилия, он вызывает сильные эмоции, которые будут зависеть от ситуации, то есть ассоциативно он может быть цветом любви, ярости, праздника, веселья. Красный цвет олицетворяет могущество, прорыв, волю к победе, и, как правило, его выбирают люди, которые всегда добиваются своей цели.

И сейчас, следуя за своей служанкой и скользя взглядом по разложенным прямо на траве, на подстеленных плетеных циновках многочисленным фонарикам, девушка вдруг вспомнила эти непонятно каким образом задержавшиеся в памяти фразы и для себя решила, что брать надо именно красные фонарики.

– Ха Юль! – окликнула она служанку, целенаправленно двигающуюся куда-то вдоль этих спонтанно возникших рядов. – А куда мы идем? Здесь же полно всего!..

Та оглянулась на свою молодую хозяйку и быстро произнесла:

– Идемте, барышня, идемте! Я знаю одного торговца, у него очень прочные фонарики, да и сам он частенько делает хорошую скидку бедным людям.

– Но ведь у нас есть деньги, – заметила Лера, за что Ха Юль тут же шикнула на нее:

– Только не вздумайте никому об этом говорить! Воришек кругом полно!

– Ох! – только и сказала Валерия, совершенно не подумав о том, что она находится в чужом мире, в котором царят свои, далеко не добрые законы.

И лишь сконфуженно поспешила дальше, за бойко идущей вперед Ха Юль.

Наконец, та, видимо, нашла нужного торговца и остановилась напротив худощавого немолодого человека, сидящего на низенькой табуреточке перед разложенным на прямоугольной циновке товаром. С обеих сторон от него стояли два больших фонаря в прямоугольных решетчатых корпусах, призванные освещать товар.

Девушка уважительно поклонилась и произнесла:

– Здравствуйте, дядюшка! Хорошей вам торговли!

Он оглядел ее внимательным взглядом и, кажется, удовлетворившись осмотром, ответил:

– Спасибо за пожелание! Вам фонарики? – и скосил глаза на скромно стоящую рядом Леру.

– Да, дядюшка! Нам два! Красных!

– Ну, выбирайте, девушки! – повел он раскрытыми ладонями над своим богатством.

А у Леры и глаза разбежались: так много здесь было красных фонариков. Разного оттенка цвета, разного размера, да и формой они тоже различались. Ха Юль уже давно выбрала себе один и терпеливо стояла рядом, ожидая, когда же определится ее спутница. А торговец, между тем, расспрашивал девушку:

– Ты же ведь служишь в доме королевского советника Шим? – и, дождавшись согласного ответа, перевел глаза над склонившуюся над его товаром Леру. – А твоя подружка кто? Что-то раньше я ее не видел...

– Да, она... Недавно в поместье, – поспешно ответила Ха Юль и обратилась к Лере, легонько дернув ту за рукав чогори. – Ну, что? Ты выбрала? А то поздно уже! Нам еще в поместье возвращаться! Как бы хозяева не заметили долгого отсутствия!

– Да-да! Я вот этот возьму... Или нет! Лучше вот этот! Ой, а можно... вот этот? – Лера удивлялась сама себе: сейчас она, и правда, вела себя как семнадцатилетняя малолетка.

Торговец расхохотался:

– Эх, девочка! Да возьми ты несколько!

– Нет, мне столько не нужно, – возразила она и, наконец, протянула руку и взяла один фонарик – особенно яркий, как ей показалось.

– С вас три няня, девушки!

– Дядюшка, – затянула ноющим голоском Ха Юль. – Но я ведь всегда покупаю фонарики только у вас! Уступите нам немного...

– Ах ты, хитрюга! – покачал пальцем торговец. – Но так и быть, скину один нян...

– Спасибо, дядюшка! – обрадованно зашебетала служанка, но тут же осеклась, услышав окончание фразы.

– ...но только если твоя подружка-красавица поцелует меня!

– Дядюшка! – возмущенно закричала Ха Юль, но Лера, усмехаясь про себя, остановила ее движением руки:

– Ничего, Ха Юль! Все в порядке! Мне не сложно!

Немолодой мужчина, хоть и был облачен в недорогую и явно не новую одежду, не вызывал у нее отторжения: он не был ни грязным, ни противным, и Ха Юль с вытаращенными глазами наблюдала, как ее госпожа, приблизившись к «дядюшке», быстро чмокнула его в морщинистую щеку и тут же выпрямилась, отходя на безопасное расстояние. Торговец опять расхохотался:

– И твоя подружка – тоже настоящая хитрая лисичка! Что ж, коли пообещал – придется выполнять! Платите два няня, красавицы, и забирайте свои фонарики! И пусть ваши желания непременно сбудутся!

Лера с довольной улыбкой достала из мешочка две медные монеты с квадратными дырками посередине вложила их в протянутую мужчиной ладонь. Тот на мгновение задержал ее пальцы, но тут же отпустил и уже серьезным тоном произнес:

– И будьте осторожны, девушки! Время уже позднее! А я слышал, разбойники опять лютуют. Вот недавно на рынке ходили слухи, что младшая дочь одной знатной семьи поехала на моление перед свадьбой с сыном другого знатного рода, а по пути на них напали. Всех перебили, дары для обители разграбили, а саму юную госпожу обесчестили прямо на глазах у ее служанок...

Девушки обменялись одинаково ошарашенными взглядами, а потом Лера решительно схватила Ха Юль за руку и потащила прочь от разговорчивого торговца. Девушки почти бежали, лавируя между горожанами, пришедшими в поисках фонариков, и, лишь оказавшись на самом берегу реки, остановились, восстанавливая дыхание, еще раз посмотрели друг на друга и, прыснув одновременно, разразились хохотом.

Просмеявшись, утирая выступившие от смеха на глазах слезы, Лера поучительно сказала:

– Вот так рождаются сплетни!

– Да, правда, госпожа моя, – все еще смеясь, ответила Ха Юль и, вытерев рукавом чогори покрасневшее, вспотевшее от быстрого бега круглое лицо, добавила. – Что ж... Будем запускать фонарики?

– Да, давай!

– Только надо немного отойти друг от друга, чтобы они не столкнулись в воде и не погасли, – предупредила служанка.

– Хорошо, давай разойдемся! – согласно ответила Валерия. И пошла вперед вдоль берега, держа в руке свой фонарик, но тут же остановилась. – Ой, подожди! Мы же не зажгли их!

– Тьфу ты! И то правда, барышня! Этот торговец совсем сбил нас с толку! Но какой наглец! Потребовал от вас поцелуй! – опять возмутилась до глубины души девчонка.

– Ну, что в этом такого?! Ну, поцеловала и поцеловала! Он же старый! – беспечно воскликнула Лера и увидела, как распахиваются на пол-лица карие глаза Ха Юль.

– Барышня... – растерянно протянула та, хлопая темными короткими ресницами. – Но как же можно...

– Ой!.. – обронила Лера, понимая, что сказала что-то не то. И тут же засмеялась, пряча за этим смехом свою оплошность. – Ладно, Ха Юль! Пойдем все же зажжем фонарики! А то уже прохладно становится!

И зябко поежилась. От ночной реки, и правда, тянуло сыростью и заметной прохладой.

Ха Юль молча кивнула, что-то обдумывая, и повела хозяйку к небольшой группке мужчин и женщин в простых недорогих одеждах, спускающихся к воде и несущих уже горящие фонари. Обратилась к ним, прося поделиться огоньком, и вскоре наши девушки снова вернулись к реке, бережно держа горевшие теплым светом красные фонарики.

– Барышня, я пройду немного дальше, а вы можете опустить свой на воду прямо здесь! – и она пошла вперед, вдоль берега.

Лера приостановилась, глядя на воду, по которой безостановочным сияющим потоком двигались маленькие разноцветные фонарики. Картина эта так заворожила девушку, что несколько минут она находилась в какой-то прострации, бездумно глядя на волшебное зрелище. Но потом спохватилась, испугавшись, что маленький фитилек прогорит, а она так и не сформулировала свое желание.

Нет, желание-то у нее было, единственное заветное желание – вернуться домой. Но нужно было озвучить его так, чтобы высшие силы – если они, и впрямь, существуют – правильно поняли его и осуществили именно так, как Лера желала.

Девушка подошла к самой воде и, придерживая длинную чхима свободной рукой, сосредоточилась. В нескольких метрах от нее выше по течению появился какой-то человек в одежде, которую обычно носили молодые аристократы. Голову его прикрывала широкополая шляпа, сплетенная из конского волоса, отчего она казалась полупрозрачной – из-за своего редкого плетения. Шелковые ленты, завязанные под подбородком, не давали шляпе свалиться с головы, а длинная нить из разноцветных круглых бусин, идущая от одного виска к другому, спускалась до самой груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.